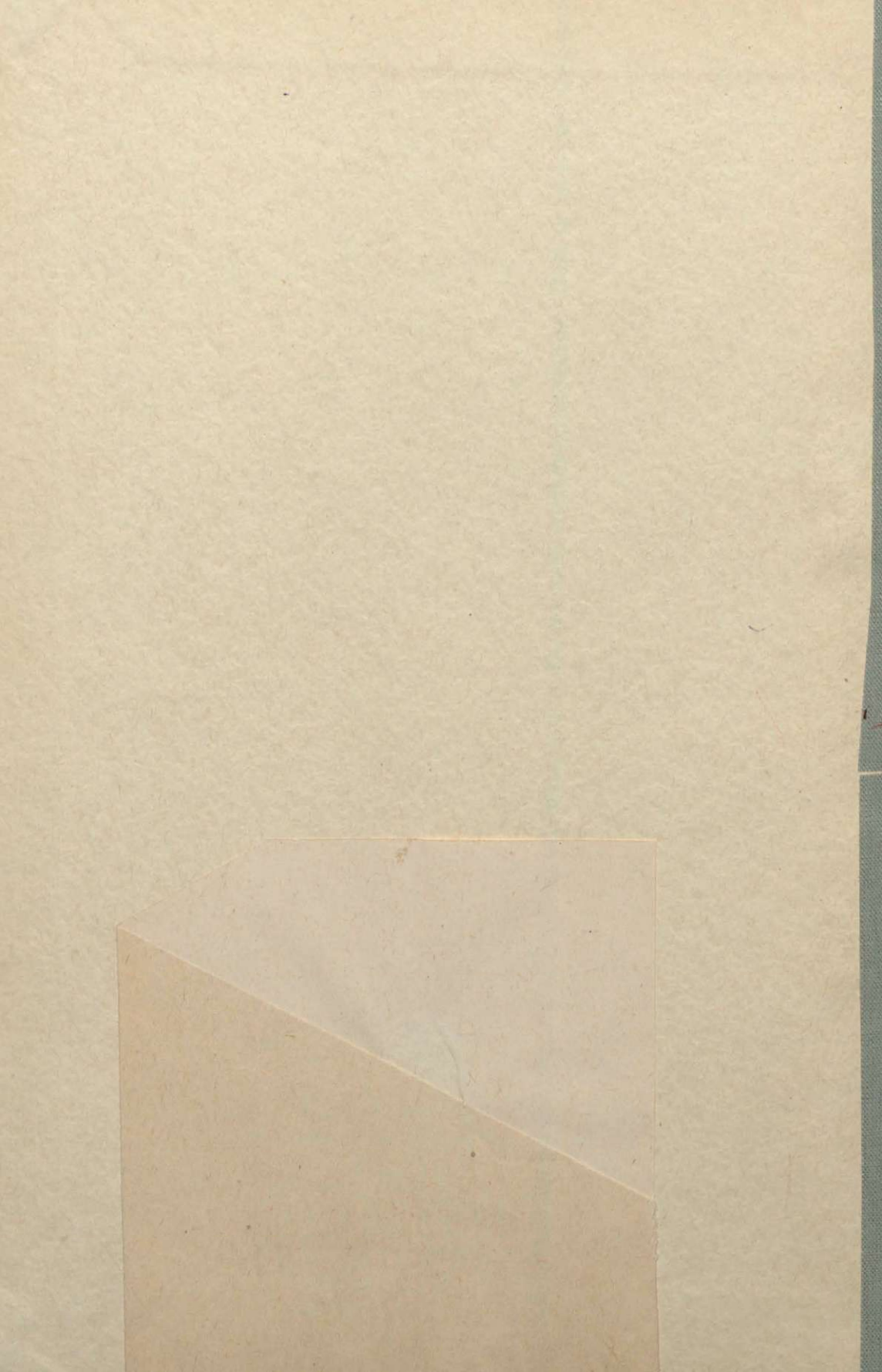
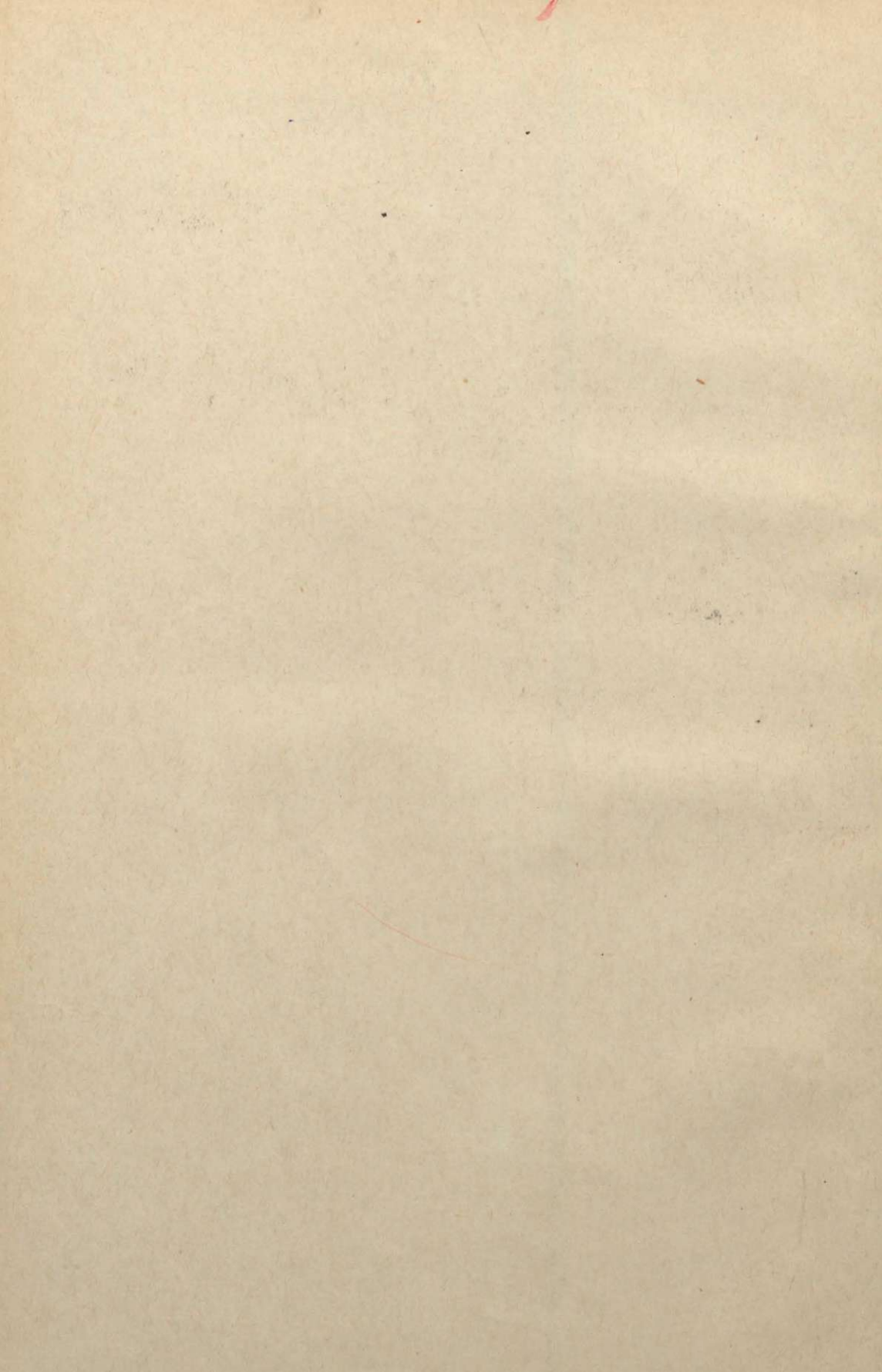

M 138
778

1934

M 138
778

КАК МЫ ЖИЛИ

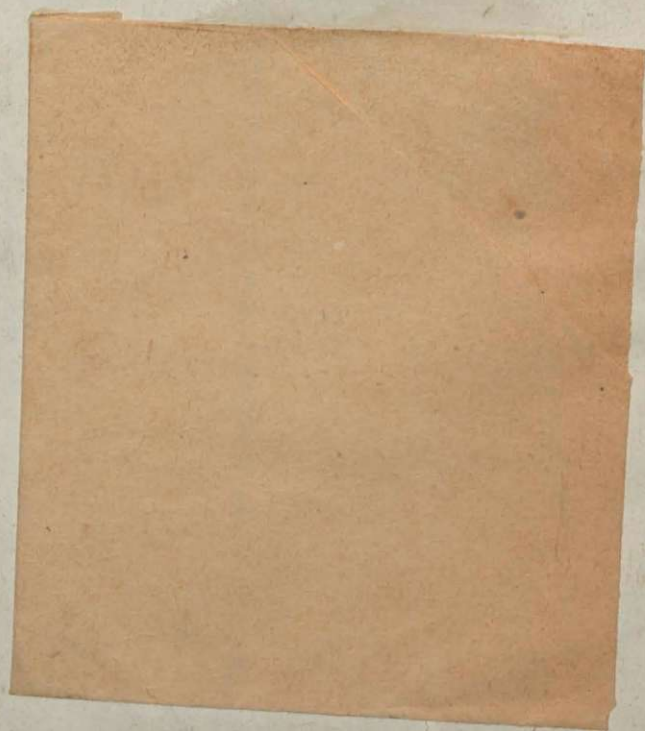
ПРИ ЦАРЕ

**И КАК
ЖИВЕМ**

ТЕПЕРЬ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ 1934

288-5/8

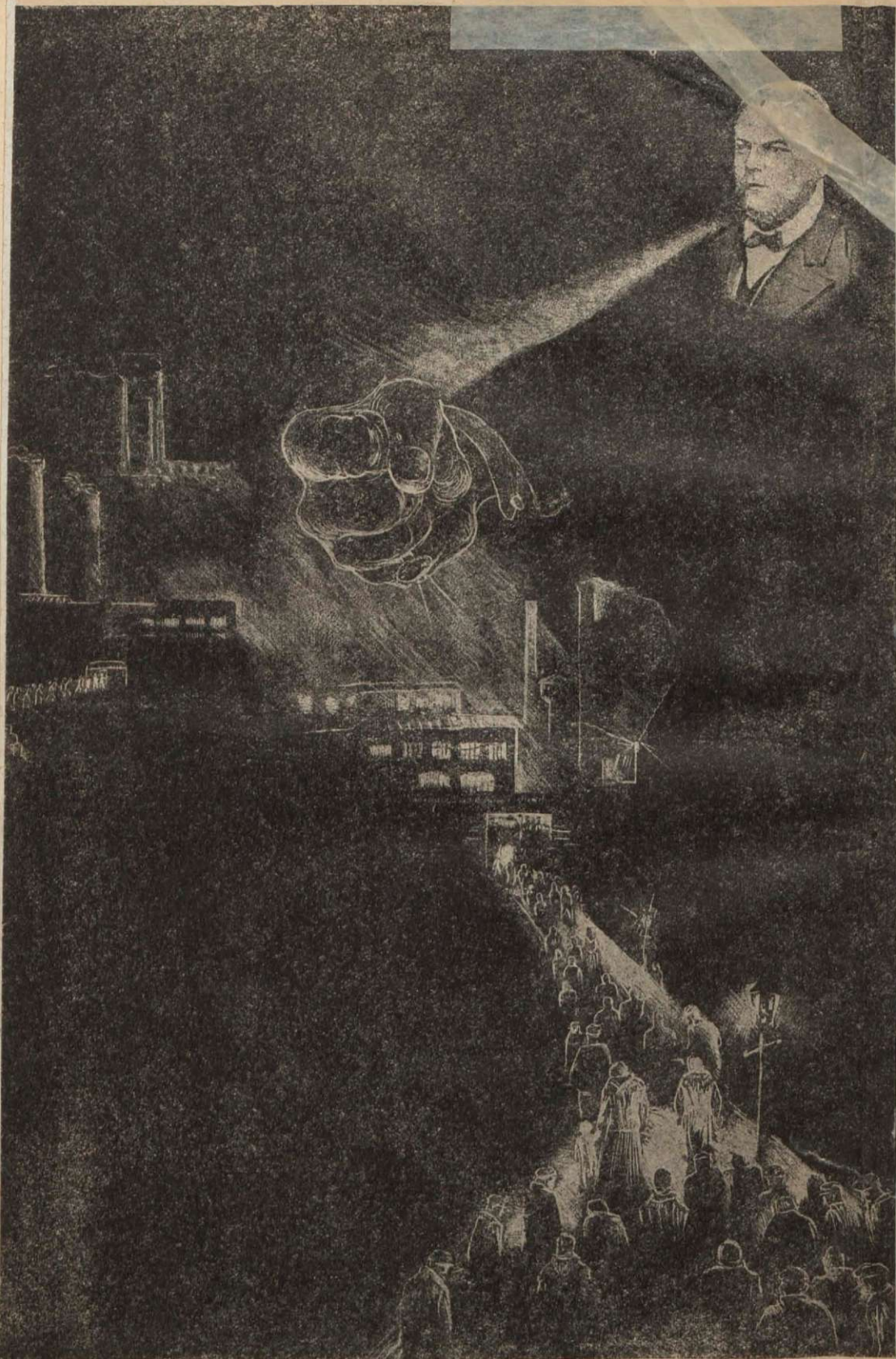

M 138
778

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Как мы жили
при царе
и как живем
теперь

Московский рабочий 1934 г.

КНИГА ИМЕЕТ

8/0

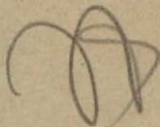
Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр	Служебн №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	---------	---------------	------------------------------	---------

6

1934

5
208

Зак. 828

Воспоминания

**старых кадровых рабочих
ТРЕХГОРНОЙ МАНУФАКТУРЫ**

**Беседы организовал
и подготовил к изданию**

И. КОР

34-58022

2011147121

Воспоминания
А. С. Батовой —
работницы бригады
им. Молотова
прядильной фабрики

„А теперь я — часть всей советской власти“

Как мы жили при царе и как живем сейчас?

Чудной, я бы сказала, вопрос. Это все одно, что ночную темень с ярким солнцем сравнивать. Мне сейчас 56 лет, а из них добрых четыре десятка будто куда-то сгинули. Будто кто украл добрый кусок моей жизни — ведь по-настоящему-то **жить** мы начали только при советской власти.

Недавно беседовали с нами о том, чтобы внимательно относились к **живому** человеку. Я и подумала: а ведь раньше-то мы такого слова и не слыхали. Господа нас и за живых людей не считали — так, вроде серой скотинки были мы у них... С нами, как со скотинкой, а то и похуже тогда обращались...

Есть у меня младший сын — Виктор. Ему 10 лет. В школу ходит, занимается, растёт человеком. Ни он, ни его дети никогда уже не узнают того ужаса, в котором я росла.

... Родилась я в деревне Булгаково Кругловской волости, Зарайского уезда, Рязанской губернии. Отец всю жизнь в батраках ходил; семья у него была большая — 10 человек, мал-мала меньше и все неграмотные. Я была самая младшая, с 10 лет пошла батрачить... У кулаков работала, полола, картошку выбирала; делала это почти задаром — платили 15 копеек в день на моих харчах. Где уж тут было об учебе думать. Летом — в поле от зари до зари, а зимой дома при лучине кружева вязала, вышивала... Бывало, какой зажиточный мне пряжу даст, а я и свяжу; вязала тоже почти задаром — когда чего дадут, а когда и нет. Платили кусочком мыла — вот как ценили тогда наш труд...

С 14 лет определилась на текстильную фабрику Моргунова в Озерах — это 20 верст от нашей деревни. Там к тому времени работала моя сестра. Хотя по закону 14-летних еще нельзя было брать, но фабриканты ловко обходили это препятствие. Надо было только подделать метрику, а без взятки это не выгорало. Мой отец снес попу несколько яиц и кусок мяса, — так в один день я из 14-летней превратилась в 16-летнюю.

Поставили меня сначала тазовщицей, но через день перевели на ленточно-банкаброшный. Никакого фабзавуча конечно тогда не было — учить толком не учили. Все больше сама присматривалась.

Хоть и тяжело было до того в деревне, а только у Моргунова еще хуже стало. Получала я 7 рублей в месяц. Жила не в казарме, а на «вольной» квартире. 20—25 человек снимали у местного кулака комнату и там селились. Теснота была такая, что трудно представить. Спали на полу вповалку, мужчины и женщины рядом. Постелей не было. Свиньям в хлеву и то жилось вольготней. Утром, бывало, встанешь и не поймешь, где чьи ноги, до того тесно было.

На работу уходили в 3½ часа утра. На дворе еще темень,

а ты шагаешь на фабрику. В 10 часов вечера возвращались. На сон только пять часов и полагалось.

По субботам ходили в баню, но набивалось туда столько народу, что едва живым выберешься. Грязь была невероятная. В бане стояли большие кадки с мутной водицей, туда сразу залезали двое и мылись. Какая уж тут гигиена! Теперь, если кто больной, его в баню не пустят, а тогда не разбирались, — один другого заразить мог.

Прачечных конечно не было. Стирали на улице и зимой. Многие простуживались. Я сама ходила стирать к сестре, за 12 верст от фабрики, по воскресным дням. Не было и столовых. Рабочие все больше хлебом питались да квасом прихлебывали. Чай редко-редко когда видели. Обед варила хозяйка на всех жильцов. А как готовили этот обед? Каждый покупал кусок мяса, завязывал его в грязный узелок и с отметкой бросал в общий котел. Когда щи были готовы, хозяйка вылавливала узелки, и по приметам определялось, чье мясо. Не обходилось без споров: один говорил, что его узелок красной ниточкой завязан, другой этот узелок к себе тащил. Сейчас, как вспомню про эти щи с наваром из грязных тряпок, так всю и мутит. Хлебали из общей миски, только ложки имели разные. Ложки держали под головами, чтобы не утащили, а когда уходили в деревню, то сдавали на хранение хозяйке.

Сейчас, если в баке нет кипяченой воды, и в газету заметку напишешь и протокол составишь, до фабкома дело можно довести. А тогда не то что кипяченой не было, но даже сырая вода в грязном ковше многими днями стояла... Лошадей и тех лучше поили.

Эксплоатировал нас не только Моргунов. Хозяйка, кроме того что брала с каждого жильца по 1 рублю 20 копеек в месяц, заставляла нас в «свободное» время шить и вышивать для нее. Делали это конечно бесплатно.

... На фабрике работали, как на каторге. Смотрю я сейчас на детей и иной раз крепко завидую — могут и погулять и посмеяться, бодрые они такие, веселые. И я по натуре очень бойкая была, да только у Моргунова слишком бой-

ких не любили. За детскую шалость меня однажды даже уволили. Долго пришлось сестре валяться на коленях перед мастером, пока расчет отменили. Вот какие нравы были!

... Так и не видала я детства. Замуж тоже вышла почти ребенком, семнадцати лет, за столяра из Москвы. Думала, в Москву вырвусь, там лучше будет, но и там хорошей жизни до революции так и не увидала.

Муж мой работал у кустика, тут же на месте работы и спал — вся наша «квартира» в первое время помещалась под верстаком, на стружках счастье свое делили. Комнату, да и то темную, я сняла уже только перед первыми родами за 4 рубля в месяц. А получала я в то время на Прохоровке 15 рублей, поступила туда с пуском прядильной фабрики.

Условия работы были почти такие, как и у Моргунова. Много крови испортили мне мастера. Вентиляции на прядилке тогда не было. Весь день, словно зачумленная, в пуху ходишь; пух везде — и на машинах, и на стенах, и на одежде и... в легких. Никакой охраны труда не было — я сама работала до последнего дня беременности. Ушла с фабрики только за два часа до родов... Рожала не в больнице, а дома, принимал ребенка не врач, а бабка. Как только жива осталась.

Детей я имела много — 13 человек, но из них живыми осталось только 8. Остальные умерли младенцами от разных болезней, присмотра за ними тогда не было. Да и я сама неграмотная, ничего в воспитании не смыслила. Вот сейчас врачи советуют ребенку даже резиновую соску не давать, а если уж давать, то обязательно кипятком споласкивать, а тогда, бывало, ребенок начнет кричать, возьмешь мякиш хлеба, облизавшишь его и дашь вместо соски. Ну, ясное дело, желудок у ребенка нежный, — иной выдержит, а другой, глядишь, заболеет и помрет.

8 ... Среди мужчин еще грамотные попадались, а вот уж женщины почти все никогда ничему не учились. Кроме фабрики и детей знали еще только попов. Я сама была очень религиозная, в церковь часто ходила. Много денег попам передала — сейчас даже вспомнить тяжело... В попов

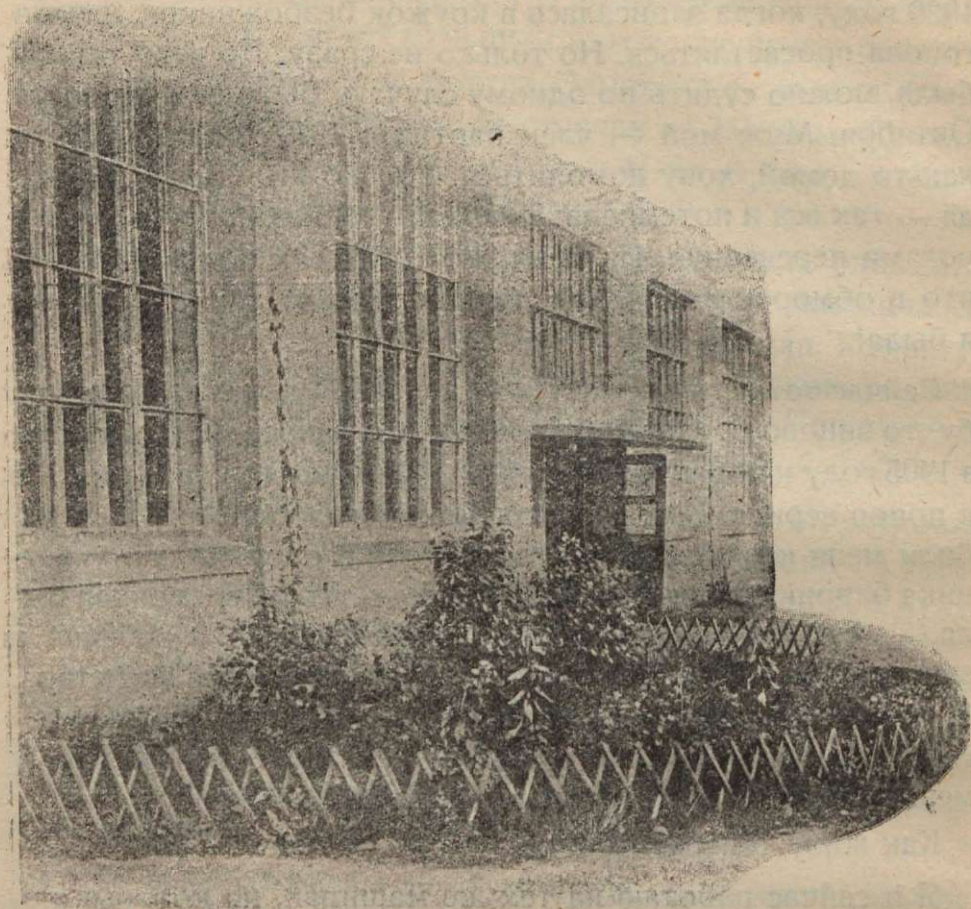
я крепко верила еще и в первые годы революции. Только в 1920 году, когда записалась в кружок безбожников, начала голова просветляться. Но только не сразу. До чего темная была, можно судить по одному случаю. Было это уж после Октября. Муж мой — член партии с 1919 года. Прихожу как-то домой, хочу помолиться. Только это голову подняла — так вся и потемнела: Николая-угодника кто-то кверху ногами перевернул. На меня это тогда так подействовало, что в обморок упала... А теперь думаю: ну и дура же я была!..

Сейчас вот легко думается — голова будто светлая стала, будто заново прозрела я. Нелегко это далось. Ведь вот еще в 1905 году и на массовки ходила и баррикады строила, а все в попов верила. Был даже со мной тогда такой случай: избили меня казаки плеткой за то, что я племянника, участника баррикад, укрыла. Не поглядели, что я беременная была, — тут же через несколько часов мертвого ребенка и скинула. На всю жизнь запомнила я это царское зверство... А вот от религии отошла только с 1920 года. Только последнего сына Виктора я уже не крестила. Он, Виктор, у меня, можно сказать, вполне советский.

Как живу теперь?

Я и сейчас работаю на тех же машинах, на которые поступила при Прохорове. Но условия работы даже сравнить нельзя. Сейчас у нас легко дышится — всюду вентиляция. Работаем не 12, а 7 часов в день. Мастер не то что выругаться не смеет, а его критиковать за неправильные действия можно; мы это часто делаем на собраниях и через свою бригадную стенгазету. Как только замечу какую неправомерность, так сейчас же прошу редактора составить заметку. Сама я учусь в ликбезе, но писать еще как следует не умею.

Получала я у Прохорова 15 рублей в месяц, а сейчас каждый год заработок растет: я уже получаю сейчас 140 рублей. Дело конечно не только в жалованьи, — сейчас и питание другое. У нас на прядилке имеется своя столовая, где за 68 копеек я могу получить хороший мясной обед из трех

блюд. И обстановка для еды совсем другая, чем когда-то у Моргунова или у Прохорова. В столовой — цветы, пальмы. Сейчас даже дико становится, когда вспомнишь об общих мисках. Каждый ест в отдельной чистой тарелке. Каждый день санитарный врач пробует пищу, перед тем как выдавать ее рабочим. Зорко следят и за чистотой кладовых, где хранятся мясо, капуста, картофель...

Главное — то, что я чувствую себя теперь хозяином фабрики. Фабрика — своя, государство — свое. Раньше над нами сидела кучка пиявок, а теперь я — часть всей советской власти. И вот, когда это мне стало ясно, вступила я в партию, стала заниматься в политкружке, принимаю большое участие в общественной жизни.

Бригада наша носит имя товарища Молотова и оправдывает это высокое звание. И бригада и я сама план выполняем, работаем почти без брака. Меня выделили уполномоченной по борьбе с потерями — ведь каждый кусочек хлопка стоит нам трудов и денег. Его надо беречь. Я этим и занимаюсь. Первым делом прихожу за полчаса до начала смены, — делаю это я конечно по своей сознательности. Осматриваю этаж, подбираю рвань, если кто оставил. Во время работы, когда везут в вагончиках ровницу, слежу, чтобы катушки не были с начинкой. После конца смены тоже немного задерживаюсь, разбираю брак.

Имеются у нас до сих пор и такие, которые работают спустя рукава, — лодыри, лентяи. Видно не чувствовали они казацкой плетки, не знают хозяйского кулака. Ведь теперь власть наша, фабрика наша, земля наша, — так кто же за порядком следить должен, если не мы сами!

Выделили меня проверять больных на дому. И что же? Нашлись такие симулянты, которые для своего удовольствия брали бюллетень. Вот например Лапина считалась больной, а когда я пришла к ней, — там шла пьянка. Таких мы конечно к суду привлекаем, чтоб не повадно было.

Слежу я и за тем, чтобы полотенца у нас были чистые. Одно время прачечная плохо их стирала. Пошла туда с подругой Кисилихой, пристыдила их: «Вы для кого ж это стираете: для господ аль для себя, для рабочих?» Пристыдила их, ну, они обещали стирать хорошо.

Слежу я и за тем, чтобы помои, которые идут на корм нашим свиньям, были в порядке. Сама в кадку заглядываю, нет ли стеклышка или железки. Неровен час, классовый враг и в помоях навредить может. Были такие случаи.

Глаза у меня хоть старые, но смотрю я на все по-молодому. Все примечаю. Была как-то в нашем фабричном совхозе Мамоново; гляжу — в капусте четыре мешка лежат, подняла их, отнесла заведующему, замечание ему сделала, что добро под ногами валяется. Ведь и мешок-то общественный, советский!

Прикрепили меня к овощехранилищам; почти каждый день хожу, слежу, в каком состоянии в них овощи. Душой

болею за каждую картошку — ведь надо ее сохранить, чтоб не попрела. Часто хожу по спальням, собираю народ, убеждаю, что надо итти картошку перебирать. Я и к мужу на завод ходила проверять, как у них с овощехранилищами.

Часто хожу и на собрания.

Дети мои растут уже не в таких условиях, в каких я росла. Советская власть перевела меня из темной каморки в светлую, хорошую квартиру. Четыре года назад дали мне в новом поселке имени 1905 года (дом 10, корпус 5) четыре комнаты с кухней и другими удобствами. Мебель у меня тоже не та, что была раньше. Раньше в моей комнатухе стояли стул, стол и козлы. Теперь — гардероб, диван, столы, стулья, комод, кровати. Во всех комнатах много цветов, потому жизнь радостной стала. В свободное время слушаю радио, патефон. Все это раньше было доступно только буржуям.

Старший сын мой — Андрей работает литейщиком, дочь Пелагея — в совхозе, ее муж — член партии; другая дочь — Федосия — на Трехгорке, член партии; третья дочь — Маня, член партии, работает на военном заводе, а ее дети в яслях и детсадах; четвертая дочь — Александра — комсомолка, сын Петр подает надежды стать художником, дочь Серафима кончает 5-ый класс в школе, пионерка, вожатый октябрят, и самому младшему — Виктору — 10 лет.

С младшим — Виктором договор имею. Я обязалась хорошо работать, он — хорошо учиться. И выполняем.

Большую заботу вижу я от советской власти о каждом рабочем. Вот заболела я, меня отправили в санаторий. Почти каждый год бываю в доме отдыха, набираюсь сил, чтобы лучше работать. Раньше ничего кроме попов не знала, а теперь и газеты получаю и в Большом театре была.

Хочу еще сказать, что довелось мне на Трехгорке нашего вождя Владимира Ильича Ленина слушать. Вот я и стараюсь жить так, как велел Ленин, и детей своих этому учу.

Помню, еще ребенком мне дед, — ему тогда 102 года было — говорил: «Будет Москва теперь паутиной опутана...»

Это он насчет телеграфа толковал. Не подозревал тогда дед, бывший крепостной, что его внучка Анастасия Степановна Батова будет государством управлять, будет в четырех комнатах жить, слушать радио, обсуждать, как лучше бороться за то, чтобы скорее построить социализм.

Воспоминания
Ф. Г. Румянцева—
зам. зав. ситце-
набивной фабрикой

„Советская власть меня сделала человеком“

Название деревни, в которой я родился, как нельзя больше подходило к нашей жизни в те времена. Вероятно на карте деревня Свиныно даже и отмечена не была, да и трудно было разбраться в этих, словно вросших в землю, курных избушках.

... 17 детей родила мать, половина из них умерла. Да и как не помереть было детям, если окна в избе были заткнуты старой одеждой, а зимой вода в хате замерзала. Только у матери была подушка. Мы же, детишки, словно щенята, валялись в куче под холодной дерюгой — помню, как могильная плита, накрывала она нас...

До 13 лет не знал я керосина, часов, самовара. Мать целые ночи почти в темноте пряла. Долгое время не знал я
14 ни лаптей, ни сапог. Зимой на улицу гулять впервые я вы-

Теперь для детей Трехгорки выходит первая в Советском союзе фабричная детская многотиражка «Пионер Трехгорки».

шел только семи лет, когда научился сам плести чуни. Вместо чая заваривали траву — зверобой и липовые листья. Хлеба своего никогда не хватало...

Все детство прошло в колотушках. Колотила мать, колотила и учительница в школе, на колени ставила, в темный угол загоняла. Бывало, в волосы вцепится обеими руками. Теперь в школе не то что географию, — все международное положение проходят, а тогда, кроме того что есть река Волга и уездный город, ничего и не знали. Теперь для детей своя газета «Пионер Трехгорки» есть, стенгазета в школах выходит, а тогда нам читать давали всевозможную белиберду, поповскую дребедень. Трухой забивали детские головы.

Девяти лет я уже работал по найму — пас скот. Затем в 1895 году пошел работать на фабрику Шибаева в Богородске, поступил мальчиком в складальню. Получал я тогда 6 рублей. Ели только, чтоб душа в теле держалась. Спали на нарах, одежду — под себя. Я еще застал то время, когда мужчины и женщины в одной бане мылись, — господа совсем за людей нас не считали.

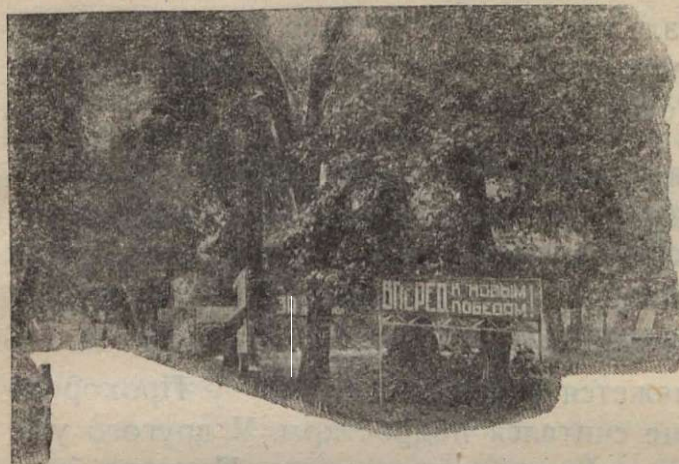
Фабричная администрация обращалась с нами грубо, складальщик бил меня, приучал водку пить. Если не пью — дерется. В день приходилось несколько раз бегать за водкой. Пил он тут же, на работе, и бутылки складывал под верстак. Жили мы у Шибаева, как в крепости. С соседними фабриками не было никакой связи. Из казармы после 9 часов вечера не выпускали. Ничем такая жизнь от тюремной не отличалась.

... На Прохоровку я попал перед 1905 годом. Поместили в 40-й спальне. Спал на нарах, словно в логове каком-то. На работу по утрам будил хожалый. Придет, бывало, в 3 часа ночи с собакой, раз дернет за ногу — не встанешь, он плеткой проедется: тут уж хочешь не хочешь, а вскочишь. Несешься на фабрику, как угорелый, и долго еще в ушах звенит хохот хожалого. Только с 1905 года плетку отменили, начали будить колотушкой.

Воровство в казарме процветало во-всю, каждую ночь ломали замки у ящиков. Заедали вши и клопы. Карты, пьянка, мордобой — такова была обычная картина. Теперь в рабочем быту прочное место заняли книги, газеты, кино...

Сейчас совсем не узнать местности вокруг фабрики. Между заставой и театром имени Ленина устроен сквер, выстроен прекрасный стадион для физкультурников Трехгорки, возле ворот фабрики чистота. А раньше, при Прохорове, всего этого не было, — возле фабрики длинными рядами стояли обдиралы-торговцы. Там, где сейчас сквер, был пустырь да несколько палаток для торговли водкой. Не было конечно и театра.

Сейчас к Трехгорке идет трамвай. В 10 минут до центра доехать можно. Тогда от заставы плелась конка. Если кому в центр попасть нужно было, большей частью шли пешком.

Не узнать местности вокруг фабрики. Там, где сейчас сквер, был пустырь и несколько палаток для торговли водкой.

Никакой охраны труда Прохоров не признавал. Приходилось наблюдать, как быстро погибали на фабрике недавно пришедшие молодые, здоровые люди. Приточной вентиляции тогда не было. В сушилке от анилина и красок такой тяжелый воздух стоял, что некоторые рабочие теряли сознание. Если кто засыпал в этом отделении, то весь становился синим — так быстро проникала отравы в организм. Температура в сушилке стояла тоже очень высокая. У заправщика от высокой температуры часто горела обувь, — а давали ему на подметки только 20 копеек.

Сейчас на Трехгорке более тысячи человек получают молоко, а тогда молоко давали двум-трем десяткам людей, работавшим в исключительно вредных условиях, вызывавших быструю гибель.

Выстроен сейчас прекрасный стадион для физкультурников.

Заграждений возле машин тоже не было. Под потолками, чтоб не капало масло, висели парусиновые полотнища. На них скапливались слои пыли.

Работали с утра до ночи, а перед ярмарками, особенно Нижегородской, когда спрос вырастал, гнали круглые сутки. Бывало, даже с фабрики не выпускали. Тут же у машин закусывали мурцовкой (вода с хлебом и перцем) или варили возле паропровода картошку в мешочках.

Нам сейчас покажется странным, почему у Прохорова парень 21 года еще считался подростком. У другого уже свои дети есть, а он все в подростках ходит. Причина была конечно не в том, что рабочий день был меньше, — и дети и взрослые работали одинаково. Прохорову выгодно было задерживать рабочего в подростках, потому что он платил ему на 10—15 копеек меньше, чем взрослому рабочему. Разве можно сравнить такое бесправное положение с нашим временем, когда рабочий день подростка до 18 лет ограничен, а с 18 лет подросток считается уже полноценным работником и получает, как взрослый.

Почти вся рабочая сила, особенно на ткацкой и прядильной, была женская: женщин легче было эксплуатировать. Но и издевались над работницами больше, чем над мужчинами. Особенно часто к работницам приставали подмастера и мастера, другим буквально проходу не давали.

Не было конечно в ту пору и культурной работы. Попами и молебнами головы забивали. А чтоб на богослужения легче было массу привлечь, за участие в молебне платили рабочим по 15 копеек. Выходило, за 15 копеек рабочий должен был поклоны класть.

Конечно и рабочие не молчали. С каждым годом все чаще можно было встретить в казарме и подпольную листовку и агитатора. Часто мы бастовали; бастовали даже в 1914 году, когда войну объявили. Я сам с первых же дней после февральской революции большевиком стал. В октябрьские дни мало было нас, большевиков, на Трехгорке.

18 Крепко пришлось с эсерами и меньшевиками схватиться.

Большевики победили, — рабочий понял, какая партия поведет его к лучшей жизни.

Советская власть и меня сделала полным человеком. За эти годы был я и на фронтах, и на советской, и на партийной, и на хозяйственной работе. Большую честь оказали мне, когда на XIII съезде партии членом ЦКК выбрали; участвовал я и на XIV съезде партии с совещательным голосом. Крепко держусь партийной линии, бил и троцкистов и правых оппортунистов. В 1933 году партия доверила мне быть членом комиссии по чистке.

У себя на Трехгорке я работаю сейчас заместителем заведующего ситценабивной фабрикой. И ситцевая — теперь уже не та. При Прохорове здесь словно какой ужасный муравейник был: две с половиной тысячи человек днями и ночами трудились, чтобы выпустить в день 10 тысяч кусков. А у нас сейчас 1 298 человек за 14 часов работы (в две смены по 7 часов) выпускают около 15 тысяч кусков.

Теперь, когда идешь по переделам фабрики, чувствуешь прохладный ветерок — это работает приточно-вытяжная вентиляция. Значительно усилено освещение. В опасных местах машины ограждены сетками. На опасных работах выдается спецовка. Октябрьская революция пробудила к жизни рабочую смекалку. Есть у нас свой БРИЗ, много ценных рабочих предложений по улучшению производства внесено и выполнено за эти годы.

Да, очень далеко ушла краснознаменная Трехгорка от старой Прохоровки. Это должны скрипя зубами признавать и наши классовые враги. Бывший заведующий ситцевой фабрикой при Прохорове Шейнер работает сейчас в Польше и, будучи по делам в 1929 году в Москве, побывал и на Трехгорке. Все виденное на фабрике так поразило его, что он все ходил да диву давался.

Сильно изменились по сравнению с прошлым временем и мои бытовые условия. Имею я хорошую квартиру. Братья мои и сестры в колхозе, с каждым годом живут все зажиточнее. В этом году у них особенно хороший урожай. Изменилась и деревня моя, не узнать ее. Даже слово «изба»

из обихода почти вышло: всюду дома деревянные стоят, железом крытые. В комнатах у колхозников кровати, столы, комоды, буфеты. Вечерами по радио Москву слушают.

Нет, где уж, — далеко в прошлое канули захудалая деревушка Свиныно и эксплуататоры-фабриканты Шибаевы и Прохоровы. Крепкий осиновый кол воткнули мы им в октябре 1917 года. Воткнули навсегда.

Воспоминания

Текстильщица

А. Ф. Голубевой

„Лишь сейчас начала я жить“

Работницы частенько говорят мне: «Нюша, ты бы про свою жизнь для кино описала...»

Я тоже иной раз думаю, почему это в кино про нашу прошлую жизнь текстильщиков не показывают. Видно уж очень тяжелая картина получится.

Взять хотя бы меня; ежели какой писатель заинтересуется, то жизнь моя при царе покажется ему хуже собачьей. Помню, у нашего барина Беляева — директором он был у Прохорова — собачка Тамуська в большем почете была, чем мы, его слуги. Тамуська свое помещение имела, а вот отец и мать у меня врозь жили. А ежели когда и встреча-

лись, то украдкой. Я и то в детстве удивлялась, почему это они все под материной койкой прятались. Уже потом узнала, что мать жила на «вдовьей» и отец не имел права к ней ходить. Работали они у Саввы Морозова в Богородске (теперь Ногинск).

Какова жизнь, такова и смерть. Жизнь тогда была чахоточная, от чахотки отец и помер. Осталась я 10 лет. Отослали к бабке в деревню, а там ткачество сильно развито было. У кулаков в избах стояло 5—6 ручных ткацких станков и работали на них главным образом шелк-канаус. Эксплоатировали кулаки нас, детишек, нещадно. За первый год работы мне уплатили только 10 рублей, а за второй — 20 рублей. Работали с раннего утра до поздней ночи. Особенно тяжело приходилось вечерами: никакого электричества конечно не было, а между батаном и ремизом висела керосиновая лампа. Спали тут же на полу, а летом в сенях. Приходилось не только ткать, но и работать по дому, на поле, в огороде.

На Прохоровку попала тоже еще девчонкой. Помню, подошли мы с матерью к конторе, там очередь. Стали и мы. Мать подводит к директору, — Рожков тогда был, — и говорит: «Возьмите мою девку поработать...»

Рожков поглядел и отрезал: «Мала...»

Роста я действительно была маленького. Тогда мать на хитрость пошла. Говорит: «Давай опять станем... Когда будем к окошечку подходить, стань на цыпочки, выше казаться будешь... Он нас все одно не запомнил...»

Так и сделали. Подходим. Тут неизвестно для чего новая придирка: «Грамотная?..» — «Нет...» — «Ну, ладно, иди в уточную. Там не по грамоте, а руками работать надо...»

В последнем слове весь Прохоров: ему рабочие руки нужны были, а насчет просвещения мозгов он меньше всего беспокоился. Была, правда, и у Прохорова школа, но учились в ней все больше дети мастеров и подмастеров. Простому рабочему ход туда был закрыт. Чтобы выдержать экзамен, надо было учителя поросенком или гусем

22 сдобрить, а если подарка не дашь — обязательно провалит.

Работала я в старой уточной за 28 копеек в день, потом перешла в проборную подавальщицей, а затем на станки. Училась у матери, чтобы не платить другой ткачихе за учење 3 рубля. С год поработала, а потом пришлось уехать в деревню — жить негде было, а в очереди на девичью спальню стояло 200 человек...

Вернулась на Прохоровку уже после 1905 года. Сначала недели две окна мыла, а потом понадобилась директору Беляеву горничная, меня и взяли. Жил директор припеваючи, целый особняк занимал там, где теперь фабком и партком помещаются. Чуть не каждый день званые вечера устраивали, купались в добре, как сыр в масле. Вот один раз я и спроси: «Барыня, сколько наш барин получает, если в таком доме живет, пять прислуг имеет, фрейлину для обучения детей разным языкам содержит?..»

Вместо ответа я услышала: «Анюта, ты еще мала...»

Ясно, не хотела барыня мне размеры своего богатства выкладывать, ведь прислугу тогда за человека не считали. К прислуге еще хуже, чем к рабочему на фабрике, отношение было. Сейчас, если у домашней работницы есть свои личные дела, то нанимателя это не касается, договор есть, в нем указаны определенные часы для работы. А тогда, как только хозяйка заметила, что за мной один пожарник ухаживает, так сейчас же мужу нажаловалась. Приходилось работать днем и ночью; бывало, и в 2—3 часа ночи гости приезжали, пьянствовали. А тут еще каждую ночь надо было хозяйкину собачку Тамуську на улицу гулять водить.

... Теперь, если домашняя работница забеременеет, она пользуется теми же правами, что и работница, а тогда, как с кем случился «грех», так сейчас же выбрасывали на улицу. Выбросили и меня по этой причине. Мать тоже темная женщина была, зазором считала, что дочь рожать будет, запретила даже давать мне харчи в артели и била. Вот в каком духе ее воспитали.

Когда я родила, то шесть дней в приюте пролежала, не знала, куда девать ребенка. Посоветовали свезти на Яузскую в воспитательный дом; так и сделала. Порядок там

был не иначе, как зверский: у матери брали ребенка, выдавали квитанцию с обязательством, что мать придет за ним не раньше как через 10 лет. Теперь мать своего ребенка в детском саду может видеть, когда захочет, а тогда 10 лет должна была ждать работница, прежде чем узнает, что стало с ее сыном или дочерью. Можно себе представить, как разрывалось сердце матери: держать дома ребенка — нет средств, спросить о ребенке — тоже нельзя. Так и жила я до самой революции в неведении. В 1917 году, как только царя сбросили, хоть до срока оставался еще год, не выдержала — пошла в этот дом. Показала квитанцию, там посмотрели по книгам и говорят: «Ваш ребенок только три месяца прожил и умер...»

Вот какие изверги были, даже мать родную за девять лет о смерти ребенка не известили.

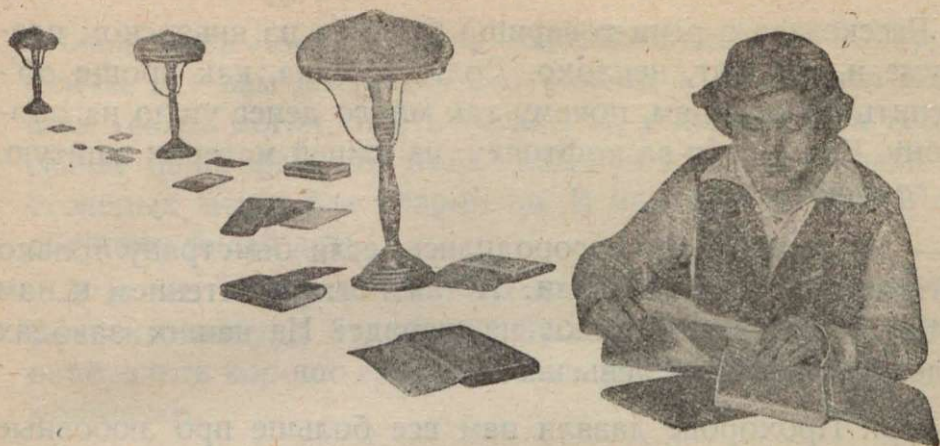
... В замужестве мне тоже не повезло. Муж был заправский пьяница. Придирками да побоями чуть со света не сжил. Из-за него меня ни на одну квартиру брать не хотели. Только при советской власти избавилась от него.

И жилье у меня при царе было тюремное — десять лет снимала на Средне-Трехгорном переулке по-дешевке темную комнату без окон. В 1925 году меня наконец переселили хоть и в маленькую, но хорошую, светлую комнату в доме № 14 по Большевикскому переулку.

Сейчас глаза у меня на свет открылись, будто только и начала жить. У нас на ткацкой все знают, какой я раньше темной была. Сколько ни старались меня переделать, сначала все без толку. Только когда делегаткой выбрали и в секцию райсовета нагрузку выполнять ходить стала, начало в голове будто просветление наступать. В 15-ю годовщину Октября подала заявление о вступлении в партию — именинницей почувствовала я себя, когда кандидатскую карточку получила.

Потом записалась в кружок — руководитель там попался хороший — товарищ Беляева. Век буду ей благодарна за то, что помогла мне разобраться в политике.

Правда, первое время трудно было пришлось с книж-
24 ками — почти ничего дома не читала. Беляева научила

... Теперь в рабочем
быту прочное место
заняли книги, газеты

меня, как обращаться с книгами. Достала мне речь товарища Сталина на январском пленуме, напечатанную крупными буквами. Я попробовала и так пристрастилась к книгам, что теперь не оторвешь.

Вот недавно была у нас теоретическая конференция — чудные слова, и мне чудно, что я эти слова теперь понимаю. Будто и та Аннушка, а будто и не та. На этой конференции я уже доклад сделала.

Рассказала о речи товарища Сталина на январском пленуме и, говорят, неплохо. Долго думала, как проще объяснить работницам, почему так много денег ушло на оборону. Взяла себя за кофточку, из нашей материи сшитую, и говорю:

— Ну, чем бы мы отгородились, если бы страну только этими тряпками завалили? А так нет: с почтением к нам относятся. Видели танки на параде? На наших заводах сделаны, на наши деньги...

При Прохорове давали нам все больше про любовные истории читать, серьезной книжки тогда не видела. Сейчас очень люблю Ленина читать, газетами интересуюсь. До того грамотной стала, что на чистке не удержалась — другим подсказывала. У нас у одной спросили: «на чем советская власть держится?» А она возьми и бухни: «на земле...» Вот смеху-то было, а я подсказала: «на диктатуре пролетариата...» И когда меня чистили, так я на все вопросы ответила.

План выполняю, вот уже восемь месяцев работаю без брака. В 1932 году в партию вступила, сейчас прошла чистку. Имею общественные нагрузки — профорг, агитатор. Надо беседовать с молодежью о том, как горько жилось при царе и буржуях.

Приходится агитировать и дома. Вот есть у меня соседка — Анна Дмитриевна. Нет того дня, чтоб не ругалась. Я как-то и говорю:

— Что ты все ругаешься да ругаешься — нет ничего, да нет ничего. Раньше гусятина была только для господ, а у тебя ее не было. А теперь пошла на колхозный рынок и купила...

Она опять ругаться, а я взяла и подняла крышку с кастрюли — там как раз гусятина варилась. Ей и крыть меня нечем было. Теперь даже на собрания ее вожу.

Недавно на конкурсе ткачей мне премию дали — 200 рублей. А при Прохорове рабочему за 10 лет службы полагался один халат, — вот как ценили тогда наш труд.

Была я и в Ленинграде на областном слете по конкурсу. Сейчас все нам доступно. Вот раньше к примеру в Большом театре могли сидеть только те, у кого мошна туга, а сейчас наша фабрика имеет каждый день по четыре постоянных места для ударников. В будущем месяце и мне обещают билет дать.

А может и впрямь все это для кино сгодится, может быть кто-нибудь эту нашу прошлую проклятую жизнь изобразить хорошо сумеет? Очень бы это надо сделать для молодежи.

ва была наша судьба, судьба многих рабочих и крестьянских детей в то время.

Вскоре и отца уволили из школы. Года два примерно жила я с ним в лесу, в сторожке. Потом заведующий фабрикой в деревне Ваулино взял его в кучера. И тут мне пришлось стать жертвой хозяйского издевательства. Заведующий был известен во всей округе как никому не дающий спуска человек. Особенно доставалось от него девушкам — не одну из них он изнасиловал. Заметил и меня, начал приставать... Удалось отбояриться, но в отместку он в тот же день уволил отца.

Дома в деревне жить тоже с каждым годом становилось все труднее — ни обуться, ни одеться денег не было. В это время к пасхе в деревню двоюродная сестра приехала, она у Прохорова работала. С ней я перебралась в Москву. Было мне тогда 16 лет.

...Поступила на ткацкую. Первое время меня учила двоюродная сестра, я платила ей за учение 3 рубля в месяц. Жалованье получала конечно ерундовое, еле-еле на харчи хватало. Взятки тогда процветали во-всю, недаром говорили: «не подмажешь, не поедешь». А мазать надо было многим: много пиявок сидело на шее рабочего. Особенно часто платили браковщикам, чтобы скрывали брак. Браковщики всячески использовали свое положение. Помню, однажды сказала я одному рабочему, что браковщик Федор гуляет с его женой (вернее — заставляет гулять). На следующий же день Федор влепил мне три штрафа и предупредил: «Больше стой у станков и не следи, кто с кем ходит...»

Вымогательство было в то время в большом ходу. Мелкие просьбы подмастеров — дать 20—30 копеек — обычно всегда удовлетворялись. А не дашь — тебе же хуже будет.

Большинство подмастеров тогда были верными прохоровскими слугами. Ткачиха не смела им перечить. Бывало, идешь просить наладить станок, а сама следишь, в каком настроении подмастер. Беда, если косо смотрит. Помню, несколько раз сама плакала от обид подмастера Соловьева. 29

Все тогда было не так, как теперь. Тогда рабочий не был уверен в завтрашнем дне. Каждый месяц клеймили рабочему продление срока работы, а если кому не заклеят, то значит идет под расчет.

О том, что ели тогда, тоже говорить не приходится. Щи да каша, каша да щи; тогда и слова «меню» не знали. Это теперь научились разбираться в свиных отбивных, беф-строганове, шницелях, супах по-португальски. А тогда даже лапша была роскошью — только по праздникам ее и варили, и за лапшой длинная очередь стояла. Пищу мазали при помощи лопатки льняным маслом. Из деревянного корытца ели сразу шесть человек. Хлеба давали в два раза меньше, чем сейчас. Иногда хлебрез от своей «милости» добавлял корочек. Беда, если заметят, что ты взял два хороших куска хлеба, — сейчас же на твой номер два обеда запишут. Двойной обед писали в том случае, когда из одной чашки не шесть человек, а только пятеро ели, надо было дожидаться полного комплекта и тогда уж приступать к еде.

Сейчас в буфетах продукты марлей закрываются, чтобы ни одна муха не села, а тогда чаны с квасом стояли открытые, мух и тараканов там хоть отбавляй; а бывало и похуже: мыши попадались. В таких случаях вспыхивали стихийные возмущения, рабочие шли к Прохорову с требованием сменить старосту, но полиция не дремала... Царские опричники были на-чеку и часто разгоняли такие шествия...

Подхарчики (сахар, чай, кусок мыла и баранки) выдавали раз в месяц и то в таком количестве, что до следующей выдачи не хватало. Заработок был ничтожный, приходилось экономить каждый грош, каждую полушку. Селедку купить жалели. Помню, была на Пресне булочная Хорькова и там пара булок стоила 5 копеек, тогда как в других булочных — 6 копеек. И вот из-за одной копейки ходили к Хорькову.

Особенно тяжело приходилось девушкам. Мастера не стеснялись в способах глумления над ними. Был и у нас

такой мастер, звали его Гаврил Гаврилыч, так он, бывало, ни одной не пропустит.

Наем рабочих напоминал торговлю рабами. Бывало, нужно было нанять одного, а приходили 40 или 50. Выстраивались на дворе, словно на смотре. Выходил табельщик и начинал щупать каждого, словно скотину какую. А девушек спрашивали, не беременны ли они. И все это издевательство сходило с рук, потому при Прохорове рабочий нигде не мог найти защиту.

23 лет вышла я замуж за рабочего сахарного завода. Сняли мы с ним комнату за 8 рублей в месяц, — это была примерно пятая часть всего нашего заработка. Рожала я, как и все тогда, почти у станка, едва-едва домой добиралась.

Много накопело у меня внутри уже к 1905 году. И я и муж часто ходили на массовки, распространяли прокламации. Мужа на сахарном арестовали усмирители пресненских рабочих из Семеновского полка. Едва-едва удалось ему вырваться, не то погиб бы. Я сама тоже помогала, чем могла, баррикадникам, ходила охранять фабрику от черной сотни...

Много горя испытала я и во время мировой войны... Мужа забрали в солдаты. Осталась одна с ребятишками. Правда, с войны вернулся муж живым, но это время на мне большой след оставило.

...Совсем другая жизнь пошла после Октябрьской революции. Будто две жизни у меня было: до и после. Одна постылая, другая светлая, радостная. Даже станок другим кажется. У Прохорова, бывало, на него с ненавистью смотришь, а сейчас любишь, потому станок свой, советский. Теперь за ним словно за родным ребенком ходишь. И подмастер другой пошел. Вот на моем комплекте работает Шуваликов. Так ведь от него худого слова не услышишь. Этого подмастера родила революция; он не просто ладит станки, а по-настоящему руководит бригадой. И я теперь уж выросла в его помощницу. Еще два года назад я по-

На смену старому корыту пришел электростиральный аппарат, который уже внедряется в быт работниц Трехгорки.

лучала 140 рублей в месяц, а теперь зарабатываю 200—220 рублей. Готовлю новые кадры, уже обучила около 20 молодых ткачих. Участвую в работе производственной комиссии, определяю, сколько гонков, погонялок, челноков потребуется. Думаю над тем, как бы сэкономить. Забота появилась не только о своем гроше, но и об общей, советской копейке. Знаю, каких трудов она стоит и как надо ее беречь.

Уже в 1920 году выбрали меня женделегаткой, прикрепили к яслям. Потом оказали еще большее доверие: выбрали членом Моссовета. Работала там в секции здравоохранения, по охране материнства и младенчества. Муж

Кружок комсомольцев на политучебе.

мой еще в 1918 году стал членом партии, я тоже вступила, только в 1930 году. Сейчас имею две нагрузки: группарторг и председатель цеховой кассы взаимопомощи. На обеих работах большая чуткость нужна.

Несколько раз уже меня премировали! Но самую большую премию я получила три года назад, когда переехала на новую квартиру. Мне и сейчас иной раз кажется, будто я не у себя, а в гостях живу. Для примера возьму 1914 год. Жили мы тогда в 60-й спальне еще с одной семьей. В крохотной каморке едва помещалось 14 человек; у обеих семей восемь ребят и мы, взрослые. Ни стать, ни лечь. Ребята все на полу. Духота невероятная. Мебель ставить негде. Вечные скандалы...

Теперь мне дали в новом доме на семь человек отдельную квартиру из трех комнат с кухней, площадью в 45 квадратных метров. Купили две кровати, два гардероба, столы, стулья, буфет. Сейчас вот электростиральный аппарат

дали в мое пользование. Теперь уже не придется с корытом белье стирать ходить. В свободную минуту слушаю радио... Разве эту квартиру можно сравнить с прохоровским клоповником?

Дочь у меня — комсомолка, добровольцем ушла строить метрополитен. Двое еще ходят в школу. Нет у них тех забот и горестей, какие знала я до революции. Счастливые дети — советские дети! И я как мать счастлива, что строю новое общество — бесклассовое, социалистическое.

„Другой голос у ткачихи появился...“

Люблю спорить. Частенько приходится это мне делать, особенно с теми, кто на себе старого лиха не почувствовал. Есть еще такие, — всякие отсталые настроения выкладывают, а только я всегда свое доказываю: «Не видели вы, как когда-то нас кнутом гоняли, как над нами измывались, как живого места не оставляли...»

Теперь жить куда легче стало. К примеру взять учебу. Дивлюсь я на тех, кто на занятия не ходит. На каждом шагу школы, кружки, институты — все для нас, для рабочих и крестьян, открыто. Только учись. А вот я в детстве хоть и хотела учиться, да средств нехватило. Школы в нашей деревне не было. Кое-кого учила попова дочь, бра-

... Все то, что когда-то было привилегией только буржуазного стола, сейчас постепенно входит в обиход рабочего.

ла за «науку» рубль в месяц. Но даже этого рубля у матери не было. Отец, рабочий Озерской фабрики, все пропивал.

Мне самой пришлось с 14 лет пойти на фабрику. Мать взяла полбутылки, снесла попу, тот и изменил года в моей метрике. Шесть недель учили меня на фабрике Карякина, а потом перешла я к Моргунову в Озеры. Сначала табельщики меня не брали: «Ростом мала, станок не достанет». Потом их умаслили. Взяли.

...Сейчас я 240 рублей зарабатываю, а тогда на двух станках не более 7—8 рублей платили. При советской власти я хорошую комнату на Новинском бульваре в доме № 11 получила, живу там вдвоем с мужем, а у Моргунова снимала за 1 рубль 20 копеек право валяться на полу в затхлом, переполненном и мужчинами и женщинами по-

мещении, да еще в придачу приходилось хозяйке бесплатно воду носить и полы мыть.

Сейчас у меня мебель есть — буфет, гардероб, стулья, постель чистая, а тогда всем этим добром пользовались только господа.

Сейчас у нас на ткацкой оборудовали отдельную столовую, из центральной фабрики-кухни возят пищу в термосах, чтоб горячая была, качество обедов хорошее, во главе столовой стоит наша же ткачиха — выдвиженка. А тогда хозяйка и на еде наживалась, кормила бурдой. Если кто мясо сварить принесет, то обязательно палочку к нему привяжет, чтобы не спутать. Чугун для варки пищи тоже был грязный.

Сейчас, если рабочий болен желудком, к его услугам новая диетическая столовая на фабрике, там он получает легкую, хорошую пищу. Чистота в этой столовой безукоризненная. Сотни людей спасает она от преждевременной смерти. А тогда рабочие пачками умирали от рака, желудочных заболеваний, отравлений.

При Прохорове только каких-нибудь 50 рабочих получали молоко на вредность, а сейчас молоко на Трехгорке получают более тысячи человек, работающих во вредных цехах.

На фабрике Моргунова работали с раннего утра до позднего вечера, а сейчас мы заняты на станках только 7 часов. Добрых 6—7 часов, кроме сна, рабочий может заниматься учебой и выполнением общественных нагрузок, может отдохнуть, как ему хочется.

Раньше на фабрике Щербакова, где я работала, кроме каруселей ничего не было. Все развлечение было только в том, что ходили в церковь бить поклоны. А сейчас можно и в театр фабричный имени Ленина и в другой сходить, и в кино, и на экскурсию. Вот я сама в Крым на экскурсию ездила; первый раз в своей жизни такие края увидела, увидела, сколько тысяч рабочих в Крыму лечится, а раньше в этих дворцах пьянствовали одни дворяне и буржуи.

Безграмотной росла я раньше, на безграмотности-то нас попы и ловили. А вот сейчас уже два года как в школе

ликбеза я занимаюсь, газету читаю, знаю, где что происходит, где кто о чем говорит.

Раньше подмастеров как улещивали? Бывало, подойдешь к нему и сунешь рублевку: «на тебе, мол, дядя Иван». Ну, он на пару дней лучше к тебе становится, а потом надо было давать еще рублевку, иначе рассердится. А сейчас совсем другой голос у ткачихи появился, она требовать стала, смело с подмастером разговаривает.

Частенько раньше штрафовали меня. В 1905 году уволили с фабрики за участие в забастовке.

Вот почему я в 1917 году, когда ткачихой в Ленинграде работала, за пятый большевистский номер на выборах в учредилку голосовала. Вот почему я со всеми рабочими на демонстрации ходила, кричала: «Долой министров-капиталистов!» Потому я нутром чувствовала большевистскую правду и то, что большевики к лучшему нас поведут.

Так оно и оказалось. Меня советская власть просветила, а я в долгу не остаюсь: план на восьмерке из месяца в месяц выполняю, брака почти не бывает. Ни разу не было у меня ни прогула, ни опозданий. За это и премировали меня на конкурсе ткачей и подмастеров. Премируют меня часто, вот и в доме отдыха три раза была. Имею общественные нагрузки — профорг 16-го комплекта, член РКК, уполномоченная кассы взаимопомощи, ударница.

Как же мне не спорить с теми, кто пытается оспаривать наши достижения? Оспаривать их нельзя, так же как нельзя оспаривать существование солнца. С каждым годом все дальше и дальше отходим мы от того проклятого времени, когда на нашем горбу сидели живоглоты. Но вспомнить о том, как при них жили, не мешает: пусть молодежь знает, как измывались капиталисты над их родителями.

„Если бы не советская власть“

Отца своего я не помню. Знаю, что был он батраком в селе Микякино Рязанской губернии и умер, когда мне было полтора года. Мать тогда же уехала в Москву и долго жила там в прислугах, а я переходила от одной тетки к другой, няньчила детей, мыла полы, помогала в поле.

Девяти лет от роду мать и меня взяла в Москву. Устроили меня в белошвейную мастерскую на Садово-Триумфальной улице.

Если на фабрике в ту пору было не сладко, то работа у кустарей была для детей моего возраста сплошным адом. Наша хозяйка эксплуатировала 20 детей примерно такого же возраста, как и я. Шили в мастерской главным образом простое белье. Работали с 6 часов утра до 10 часов вечера почти без всяких перерывов. Кормили черствым хлебом

(мягкого никогда не давали) и главным образом постными щами. Если же хозяйка «расщедрится», то на 20 человек купит полтора фунта мяса, можно себе представить, какие «порции» попадались каждому. Ели мы из общей миски, притом не сидя, а стоя. Так, бывало, стоим и хлебаем бурду.

Где работали, там и спали. После 10 часов вечера тут же, в мастерской, стелили что у кого было прямо на полу. На фабрике рабочий хоть в воскресенье мог отдохнуть, а у нашей паразитки, хоть и была она религиозная, даже воскресенья не существовало. И вот в воскресенье мы работали только немногим меньше, чем в будни.

Развлечений для нас никаких не было. Единственное, что разрешала хозяйка, — по воскресеньям немного посидеть у окна с отдернутыми занавесками и поглядеть на улицу. В другие дни недели занавески были задернуты.

Стоило кому-нибудь начать работу с прохладцем, как его ждали хозяйские пинки и зуботычины. Била нас хозяйка, словно щенят каких. Со мной был такой случай. Прохудился наперсток, и иголки стали ломаться. За это хозяйка целую неделю меня била. Хорошо, что мать одной девочки сжалилась и дала мне копейку для покупки нового наперстка.

Особенно тяжело было работать ночью: лампы тогда были керосиновые, и глаза у детишек быстро портились.

Ну, а хозяйка жила припеваючи, на нашей детской крови словно на дрожжах всходила, лицом на купчиху смахивала. В лисьей шубе ходила и каждый день на лихачах ездила.

О нашем здоровье барыня не заботилась. Однажды довелось и мне заболеть: сижу и чувствую — кружится голова... Бросила шить, дурно сделалось, упала. Хозяйка даже не подумала вызвать врача, а просто выгнала меня на улицу. Не знаю, как добрела я до Пятницкой, где мать служила в прислугах. Пришла к матери, в глазах темно, жар, всю ломит, а на квартиру зайти нельзя — еще, чего доброго, хозяева мать прогонят. Так больная всю ночь под лестницей на холоде и пролежала. Только утром пошла в больницу. Сказали: корь и скарлатина.

Этот случай я часто вспоминаю сейчас, когда прохожу мимо больницы нашей Трехгорки. Сейчас, если у кого ребенок заболеет, больничный автомобиль пришлют, дезинфекцию дома устроят. В больнице за больным уход как полагается. В нашей больнице теперь десятки докторов, есть профессора, можно и зубы и нервы полечить, и все бесплатно.

А тогда хорошее лечение только буржуям доступно было, тогда на Прохоровке было только два-три врача да фельдшер. Лечили пиявками, а зубы драли руками. О курортах даже не мечтали.

...После болезни я уже не вернулась в эту мастерскую, поступила в другую — на Горбатом мосту. Было мне уже 15 лет, и как мастерице мне положили 9 рублей в месяц. Но и в этой мастерской условия мало чем отличались от предыдущих. Особенно трудно приходилось перед большими праздниками: тогда хозяин заставлял работать круглые сутки, а, чтобы не заснули, возле каждой мастерицы ставили блюдце с нашатырным спиртом. От нашатыря глаза режет, ну, они и не закрываются, сон перебивает. Одна работница так долго работала, что, выйдя на минуту на улицу в уборную, там же и заснула. Хорошо — хватились, а то она замерзла бы — дело было зимой.

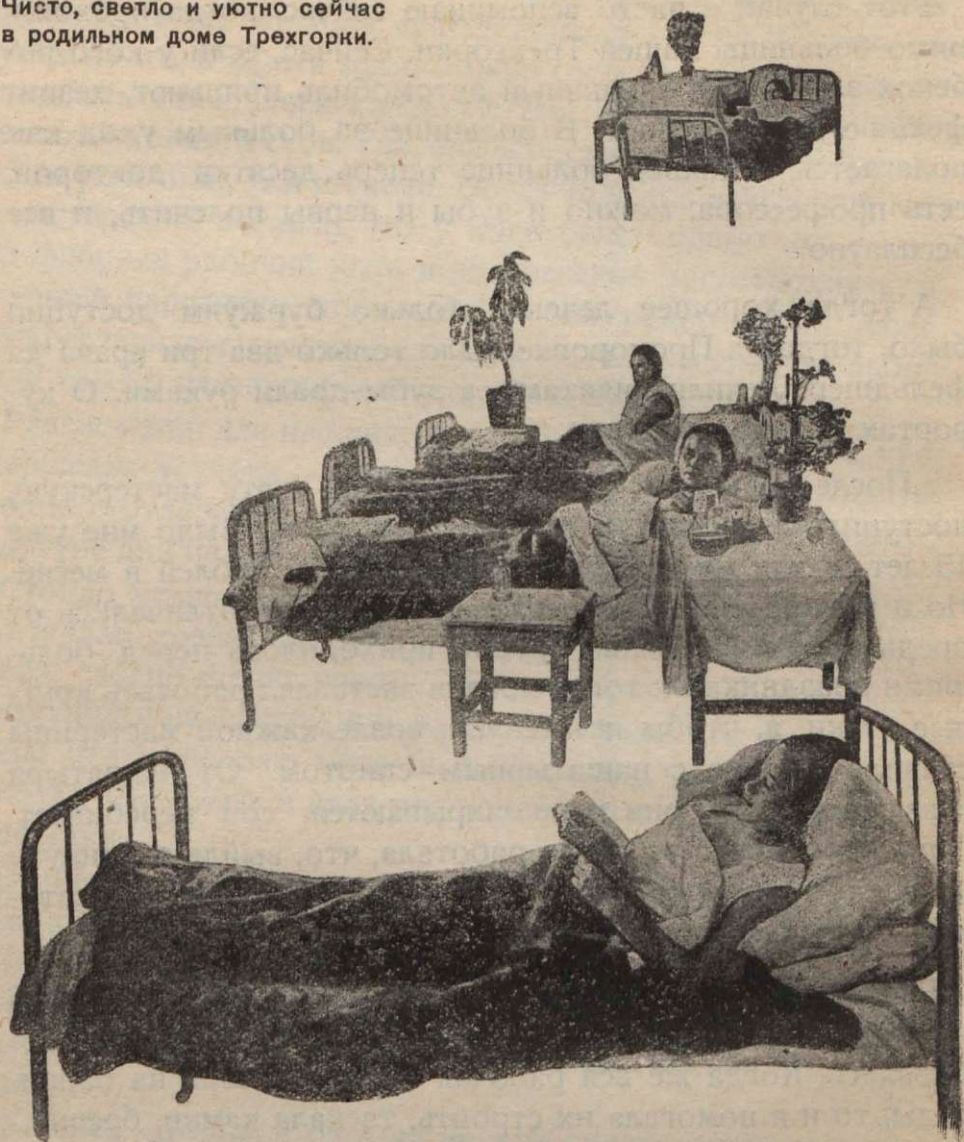
Революция 1905 года захватила частично и меня. Ходила на массовки, слушала ораторов, хотя мало в чем тогда разбиралась. Когда же вся рабочая Пресня вышла на баррикады, то и я помогала их строить, таскала камни, бревна...

На Прохоровку поступила в 1910 году. Там тогда была белошвейная мастерская. Сначала получала 54 копейки в день, а потом «набавили» за способности 15 копеек.

Жила я к тому времени на вольной квартире, снимала койку за 3 рубля в месяц. Грамоте не училась. Отношение к белошвейкам со стороны администрации было самое варварское. Особенно выделялся своими издевательствами заведующий мастерской Иван Сергеевич. Его сменили уже незадолго до революции.

Чисто, светло и уютно сейчас
в родильном доме Трехгорки.

... 24 лет от роду вышла замуж за ткача. Первый сын родился у меня почти в тот же день, когда произошла февральская революция. Второй же сын, которого я родила через полтора года, появился уже при советской власти. Я сама себе не верила, когда в 1918 году мне дали отпуск по беременности за два месяца до родов с сохранением содержания. После родов я тоже гуляла два месяца, и за это время мне тоже оплатили. Такого счастья не могла

иметь работница-мать при Прохорове. «Благодетель» ограничивался подачкой — давал пятерку на крестины. Только после Октябрьской революции трудящаяся мать наконец получила возможность рожать и воспитывать своих детей в нормальных условиях. Сейчас все это кажется уже обычным, но в 1918 году многие матери долго не верили, что такое счастье возможно.

Вырос мой сын уже в советских условиях, был в яслях и детсаду, теперь кончает 5-ю школу.

Сама я с ликвидацией на фабрике белошвейной мастерской перешла на прядилку ленточницей. Работаю по этой специальности уже восемь лет.

За последние годы сильно поднялась и наша зарплата. Еще два года назад я зарабатывала 60 рублей в месяц, а сейчас получаю 140 рублей. Выполняю норму, ударница.

При царе и капиталистах росла я темной и невежественной, грамоте никто меня не учил. Сейчас посещаю ликбез, с каждым днем чувствую, что начинаю все больше и больше разбираться в жизни. Была я женделегаткой, сейчас избрали профоргом. Слежу за экономией хлопка, чтобы нигде зря не валялся, чтобы каждое колечко было подобрано. За активное посещение политучебы меня премировали.

И жизнь мою нельзя сравнить с тем, что было при царе и Прохорове. Третий год имею в новом доме комнату с балконом. Приобрела мебель — буфет, комод, кровать. Считаю, что мы должны стремиться культурно жить.

Давно уже поняла я, что только благодаря Октябрьской революции такие, как я, стали людьми. Ведь вот, если к примеру взять Америку или Англию, — у нас были на прядилке заграничные рабочие делегации и все нам завидовали, как хорошо, как свободно живет советский рабочий. В то же время там, где у власти стоят фашисты, миллионы рабочих ходят без работы, голодают, а тех, кто борется за установление советской власти, сажают в тюрьмы и казнят.

Да, есть в чем завидовать. Если бы не партия большевиков и не советская власть, мы бы и сейчас жили в темноте и бедности. Вот почему, когда поняла, куда ведет нас большевистская партия с товарищем Сталиным, я подала заявление о приеме меня в партию.

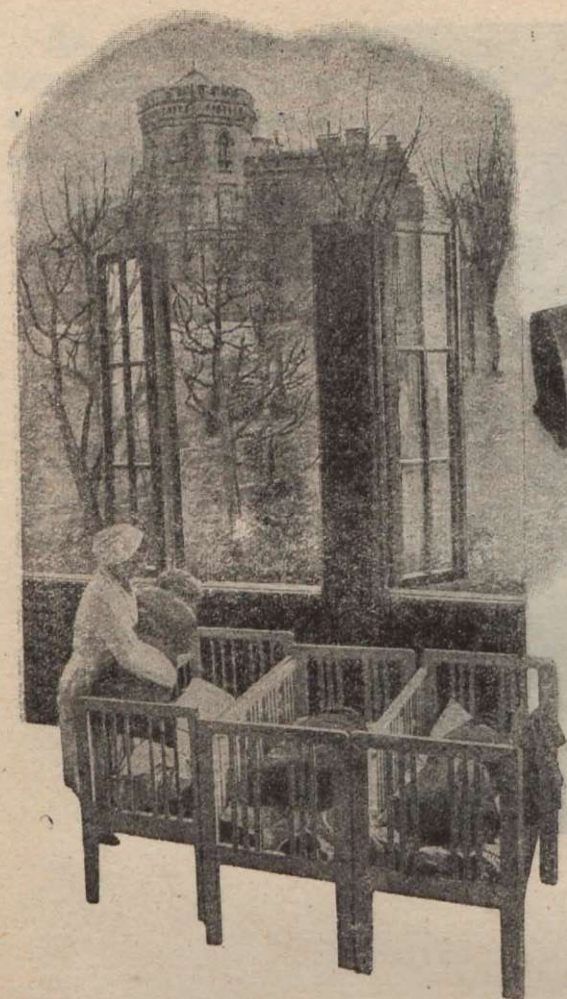
Воспоминания
А. С. Мозженковой—
работницы
прядильной фабрики

„Жизнь меняется...“

Довелось мне недавно быть в яслях. Порядок там, можно сказать, образцовый. За детьми специально няни ходят, все делают, как врач указывает. И дети растут крепышами.

А как для примера я росла? Родилась в деревне, название такое чудное — Долдыниха, за станцией Лобня. У отца почти никакого хозяйства не было, только лошадь кривая. От этой лошади он и помер. Ехал как-то, лошадь кривая проруби не разглядела, провалилась. Около двух часов стоял отец по пояс в уже мерзлой воде, все пытался лошадь вытащить. Простыл и помер.

Дети росли без всякого призора. Пяти лет я уже нянчила свою сестру Маню. От меня она и погибла: я не доглядела, а Маня головой в чугунок бухнулась, пока вытащили, она и захлебнулась. Помню, 12 дней лежала она в избе, дух

В бывшем прохоровском особняке растёт и воспитывается молодое поколение социализма.

кругом очень тяжёлый стоял. А все потому, что пристав долго не приезжал смерть оформить, — вот такая волокита в царское время-то была.

Тринадцати лет определилась на суконную фабрику Чернышева. Много таких, как я, работало тогда на фабрике. Однажды приехал инспектор, так хозяин всех нас в кладовую запрятал, чтоб на глаза не попались.

Жили мы на общей спальне. Вместо кровати — деревянные нары, даже повернуться нельзя. Днём устаешь на работе, а ночью не спишь от клопов. Клопы буквально всех заедали. На всю спальню стоял один столик.

Кормили хуже, чем свиней. Вместо тарелок были деревянные шайки с железными обручами. Одной такой миской

пользовались сразу восемь человек. Качество пищи было никудышное. Сейчас если в щи попадет что-нибудь постороннее, то виновника под суд отдают, а тогда не в диковину были и тряпки и даже крысы. Говядину варили до тех пор, что она расплзлась, как лапша, и кухарка грязными руками накладывала это месиво в миску. Сейчас на кухне следят за чистотой, все блестит, повар в белом ходит, а тогда грязь стояла неимоверная; котел, в котором варили пищу, был черен, как асфальт, его никогда не чистили. По средам и пятницам кормили одной картошкой с тухлым квасом.

Получала я на руки 1 рубль 25 копеек в месяц. Так до сих пор и не знаю, сколько вычитали на харчи. Теперь у каждого рабочего расчетная книжка, он за каждую копейку спросить может, а тогда и слова сказать нельзя было.

Начала я работать в сновальном — шпули мотала. Так вот, если шпулю плохо держишь, мастер обязательно подойдет и вlepит подзатыльник. А попробуешь заикнуться, он обрежет: «Молчи, а то еще подбавлю...»

В школу я в детстве не ходила, — там учились только сыновья трактирщиков, помещиков. Уже тогда крепко поругалась я с попом, поняла продажную душу этих длиннополых; не уплатила ему как-то за говенье, а он с тех пор даже крест целовать не давал. Всем давал, а мне нет, потому что я не уплатила.

Однажды приехали к нам в деревню в роскошном экипаже двое — один на барина смахивает, а другой попроще. Потом уж я узнала, что это были Прохоров Сергей Иванович и подмастерье — звали его Николай. Приехали они вербовать таких же девушек, как я. Крепко запомнила одно: подмастерье нас все хорошим жалованием соблазнял, а Прохоров сидит в экипаже и ухмыляется. Тогда я не поняла, а теперь ясно: в этой улыбке весь Прохоров, как на ладони. Он ловко умел улещать, а потом все силы забирал у рабочего.

...Было мне 17 лет. Семеро нас поехало в Москву. Поселились на бывшей Сосновской спальне. И здесь не лучше, чем у Чернышева. Получала я на прядилке 35 копеек в день, 47

за харчи платила около 2 рублей, да по 2 рубля в месяц пришлось платить оброку в деревню.

И прохоровские мастера не отличались от чернышевских. Помню, был у нас такой мастер Григорий Максимович, звали его «Кобылья голова», так он ни одной девушки не оставлял без своего внимания.

Приставал и ко мне, а я в ответ в глаза плюнула. В то время такая дерзость с рук не сходила: мастер в отместку отставил меня с машины. Уже после революции многие мужья поколотили его за приставание к женам, отучили ходить по квартирам в гости...

Теперь на фабрике есть техника безопасности, а тогда и слова такого не слыхали. Никаких ограждений машин не было, работницы часто попадали в машину — то фартуком, то платьем, то косами...

Крепкий зуб я на хозяев уже тогда имела. Вот почему и помогала строить баррикады в 1905 году.

...Была я недавно в своей деревне — ее и не узнать. Была когда-то деревня нищая, голая, а теперь обстроилась. Зять у меня в колхозе, колхозники с каждым годом начинают жить все лучше. Об этом при царе и мечтать не могли.

Здорово изменилась после революции и жизнь на фабрике. Раньше не знала, для чего работала, а теперь стараешься каждый день работать все лучше и лучше. Это потому, что понимаю — работаю для своей же власти, для себя и для таких, как я.

Свой план я выполняю на 101—102 процента без брака, ударница и горжусь этим званием. А еще больше у меня гордости от того, что я — кандидат в члены партии. Чистку прошла; решили, что я заслуживаю и дальше быть в партии. За работу меня премировали: ездила в дом отдыха, в Тарасовку. А при царе да при буржуях не то что о доме отдыха, но о простом отдыхе не приходилось мечтать. Ведь Прохорову только и нужно было, что выжать все силы из рабочего, а потом его бросали на произвол судьбы, как ненужную тряпку. Это теперь у нас есть социальное обеспечение, а тогда стариков после 50 лет на улицу выбрасывали.

При Прохорове я словно в помойке питалась, а теперь сама дежурю в столовой, слежу, чтобы посуда была чистая, чтобы в буфете был порядок. У нас кроме столовой сейчас и в буфете все найти можно: и бутерброды, и булочки, брынзу, чай.

Вот я ударница, и у нас для таких, как я, есть специальные кафе. Там по дешевой цене можно с'есть и свиную отбивную, и пирожное, и выпить кофе.

Аккуратно хожу на собрания. Очень важно строго следить, чтобы решения наших собраний в жизнь проводились. Хожу и на занятия по политучебе. Веду работу с новыми рабочими, — им уже никогда не видать Прохорова, — объясняю им, как надо работать для социализма.

Имею нагрузку — агитатор. Вот недавно такой случай был. Часть бригады отказалась идти на субботник по переборке картошки. Сколько ни билась, как ни доказывала — все без толку.

Ладно, думаю. С какого бы это боку сагитировать? Думала, думала — так в думах и домой пришла. А дома у меня, надо сказать, большой снимок висит — «Товарищ Ленин на субботнике»... Взглянула я на него, и будто свет в голову пришел...

На другой день вся бригада диву дается: «с чего это у Мозженковой возле машины Ленин висит?» Спрашивают, а я молчу. Дождалась смены. Собрала бригаду и говорю:

— И не стыдно вам от субботника отказываться? Вот видите, какие бревна товарищ Ленин таскал, а вы картошку перебирать не хотите...

И что же — помогло. Вся бригада как один тут же пошла на субботник. Видно за душухватила.

Быт у меня после революции тоже другой стал. Раньше не было ни кола, ни двора. Раньше башмаков не имела, а теперь шелковые чулки ношу. И башмаков у меня четыре пары — для работы и для гулянья. Имею два шерстяных платья, два пальто, несколько ситцевых платьев.

И мебель у меня есть — пять новых стульев, гардероб.

Зарабатываю в месяц 130 рублей, муж работает на «Авио-приборе».

Все это имею я от советской власти, и потому я тоже должна все силы отдать для ее укрепления. Когда проводили подписку на «заем второй пятилетки», я подписалась на 150 рублей, да еще в домкоме на 10 рублей.

В домкоме тоже имею нагрузку — член санитарной комиссии, слежу за чистотой. Дома теперь тоже наши, и надо их беречь. Недавно оштрафовала одного рабочего за то, что пакостил в квартире.

Сестер моих советская власть тоже сделала людьми. Одна работает на шелковой фабрике, у другой муж — директор завода.

Люблю и в театр пойти, и кино посмотреть, и радио послушать. Люблю я теперешнюю жизнь. Хотя и 56 лет мне сейчас, но все еще впереди.

Иной раз поспоришь с какой-нибудь работницей. Та все больше насчет трудностей говорит, а я ей доказываю, что ничего не может быть страшно, раз мы этих кровопийцев — Прохоровых и Чернышевых — сбросили. Конечно еще не во всем есть недостаток, но только живем мы сейчас **гораздо** лучше, чем при царе. И власть наша, и заводы, и дома новые мы строим, и колхозы создаем. Куда ни посмотришь — жизнь меняется и с каждым годом все лучше и лучше становится.

Молодые — они горя нашего не видали, надо им больше рассказывать о том, как рабочий люд погибал при царе, чтобы чувствовали, какое счастье **жить** сейчас.

*Воспоминания
П. П. Ефимовой —
сторожа прядильной
фабрики*

„Партия воспитала моих детей“

Больше всего ценю я заботу советской власти о нашей молодежи. Кабы теперь старое время было, разве стали бы дети неграмотной сторожихи специалистами? Разве был бы теперь мой Коля преподавателем математики в Тушине, а Алексей — слушателем Военно-воздушной академии?

Ясное дело: нет. Раньше к этому кухаркиным детям доступ был закрыт. До революции не о будущем детей приходилось задумываться, а о куске хлеба каждый день беспокоились. И все мои родные только эту заботу имели: прожил денек — и ладно, а что завтра будет — никто не знал.

Грамоте меня не учили. В детстве ничего хорошего не видала, помнится, даже мебели у отца не было. Примерно с полгода ели на полу, там же и спали, потом соорудили козлы. Из одной чашки хлебали. Детишки у матери рож-

дались и помирали, присмотра за ними никакого не было. Из 19 родившихся в живых осталось только четверо; удивляюсь, как эти-то остались живы. До сих пор стоит у меня в ушах плач моего братишки. Его, когда все уходили, привязывали к койке, чтоб не выпал. Вот он и плакал. И все так жалостно смотрел — вскоре так и помер.

На фабрику Прохорова определилась с 15 лет. Приняли меня на работу только потому, что отец и брат там работали, они меня и учили. Хорошо теперь молодежи: она и семилетку и ФЗУ кончит, а потом уж на станки идет, грамотная, подкованная. А мы все одно что бараны — ничего тогда не знали, ничего не понимали. Получала 16—17 рублей. Никакой охраны труда не было. Помню один такой случай: рабочий попал рукой в машину, оторвало четыре пальца; начал судиться с Прохоровым, но ничего не вышло. Искалечить рабочего тогда ничего не стоило.

От подмастеров только одно и слышали — ругань. Вот сейчас от подмастера требуют, чтобы был директором в своей бригаде. А тогда подмастер только станки ладил, да от работниц для умасливания подарки принимал.

Есть еще у нас и сейчас такие кликуши, которые все Прохорова славят. Эти люди по своей темноте не понимают, что Прохоров тонко гнул свою политику, а на самом деле был самым гнусным эксплуататором. На крестины например он давал 5 рублей. Этот «подарок» потом надо было отработать сторицей. Разве можно сравнить такую барскую подачку с тем, что сейчас получает мать от советской власти? Теперь вот на фабрике есть специальная комната для кормящих матерей; через 3½ часа мать может, не теряя заработка, сходить на полчаса покормить ребенка. А тогда если ребенка и приносили к воротам, то кормление шло на улице за счет матери; хорошо, если соседка за станком поглядит, а то мать теряла получасовой заработок. Вот она, прохоровская «добродота»-то!

Особенно намытарилась я в царское время оттого, что и хозяева и полиция преследовали мужа за участие в забастовках. Работал он у меня котельщиком на заводе Смита,

и я первое время по невежеству не понимала, где он по воскресеньям пропадал. Бывало, придет и говорит: «Вот ходил, рыбу ловил...» А я смекаю: «Все ловишь, а рыбы что-то не видать». Уже потом, в 1905 году, когда ему расчет и паспорт с завода вынесли, поняла я, что за рыбу «ловил» он.

Большой удар постиг меня во время гражданской войны: муж и двое детей от сибирской язвы умерли. Думала, жизни решусь; кабы это при Прохорове случилось, погибли бы и я и остальные трое детей. Но власть была уже советская, знакомые товарищи и меня и детей устроили. Я первое время на железной дороге проработала, а потом, когда фабрика пошла, поступила сторожихой на прядильку. На станках работать уже не могла: зрение еще в 19 лет испортила — тоже Прохорову «спасибо»... Тут-то я поняла, что единственный путь человека — это учиться. Покуда молод, надо знание набирать. Больше тогда пользы советской власти принесешь. Конечно и я на **большом** месте сижу, большое доверие мне оказано: 12 лет фабрику стерегу. За эти годы многое видала, иной раз воров с пряжей ловить приходится.

А только все-таки неграмотность мучает меня. И детям своим я наказывала учиться и учиться. Старший, Коля, у меня еще в 1920 году, когда работал в механической, на рабфак записался. Потом подался в вуз, тоже кончил, сейчас в Тушине преподает математику, член партии. Получил в новом доме квартиру.

С другим — Алексеем — больше пришлось повозиться. Он сперва на прядильку попал, не выходила у него там хорошо работа. Билась, билась я с ним, а он все свое твердит: «Хочу по слесарному делу...» Пошел по слесарному. И в самом деле, будто преобразился парень, в комсомол вступил, потом был выдвиженцем в Центросоюзе, затем на завод № 39 поступил, над учениками бригадиром. А потом, как сейчас помню, пришел и говорит: «Мама, а я в Военно-воздушную академию подал...» У меня сердце так и захолонуло.

«Ужель, думаю, у меня, у сторожихи, сын в академии учиться будет?» И радостно и опасаясь: а вдруг экзамена не выдержит? Уж как радовалась-то я, когда выдержал.

Живет он со мной, 200 руб. стипендии в месяц получает.

Царь загубил моего мужа, а партия воспитала моих детей.

Хуже вышло первое время с дочерью. Она в олеографии на Трехгорке работала, рано замуж вышла и неудачно. Свекровь все в церковь ее тащила. Где же это видано, чтобы советскую женщину да в церковь водить. Она и разошлась. Вышла за другого, — и тут на первое время неудача. Работал муж на фабрике Москож, плохо работал. Хотя и неграмотная я, а все ж и зятя перевоспитала: пояснила ему, что нельзя сейчас так жить. Теперь все у них устроилось, сам он уже член партии, чистку прошел. Детей имеет, комнату свою.

И мне комнату при советской власти в бывшей Сосновской спальне дали.

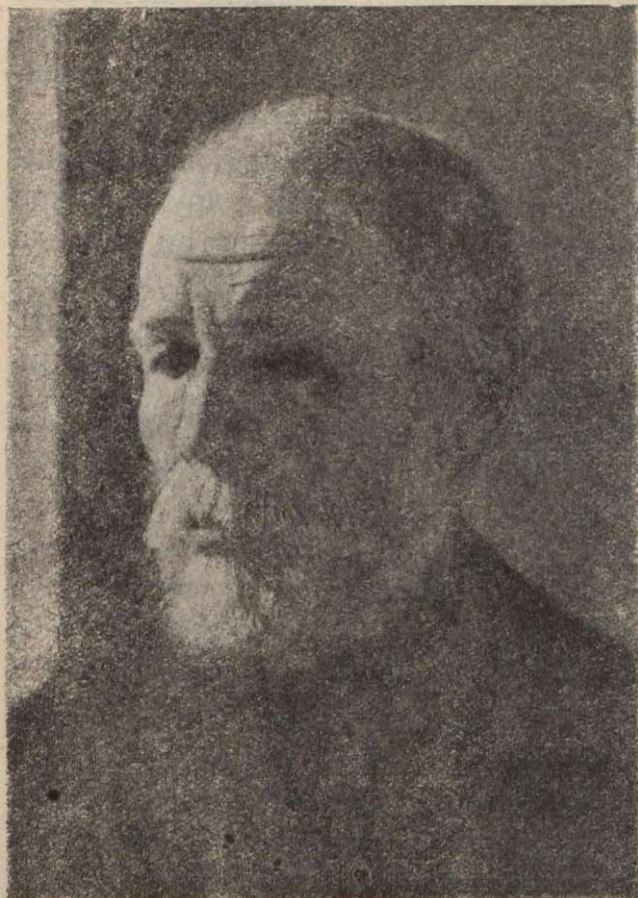
В 1930 году вступила в партию: понимаю, для чего партия борется и куда нас ведет. Несу нагрузку по секции здравоохранения. Прикреплена к 1-му туберкулезному диспансеру. Добиваюсь, чтобы туберкулезников лучше лечили. Вот у нас в складальне был такой больной Милюков, у него шестеро детей, в сарае жил. Увидела я такое безобразие и потребовала, чтобы семью в другое помещение перевели. Пришлось конечно повоевать. Мне твердят: «Нет и нет», а я свое: «Ничего подобного, чтоб немедленно перевести...» Позвала санитарного врача, тот тоже перевести приказал. И вот через четыре дня получил Милюков комнату.

На Екатерининской площади есть институт, там нужно было оборудовать 65 коек. Достала я все, что для этого требовалось. Достала 2 500 метров бельевого товара для клиники МАИ, 500 метров для детишек.

В Институте курортологии, на Садово-Кудринской, 12, прохудилась крыша. Заметили мы это и сказали завхозу Алексееву, чтоб починил. А он, бюрократическая душа, говорит: «Нет железа». Ну, мы пошли, открыли сарай, ви-

дим — там полтораста пудов ржавого железа лежит. И еще нашли в этом же сарае 2¹/₂ килограмма заржавевших игло-лок для операций, — вот ведь какой вредитель этот Алексеев оказался! Сняли его.

Разве при царе могла работница такими делами заниматься? Да приди я тогда к Прохорову или в другое какое место указать на неполадки, так меня бы в три шеи, да с лестницы. А теперь я — власть: ежели вижу какую неправильность, могу до Калинина дойти, везде меня выслушать должны, меры принять. И хоть необразованная я, а политику партии понимаю и вижу, что нет большего счастья, как работать при советской власти.

Воспоминания
П. А. Разоренова —
подмастера
ткацкой фабрики

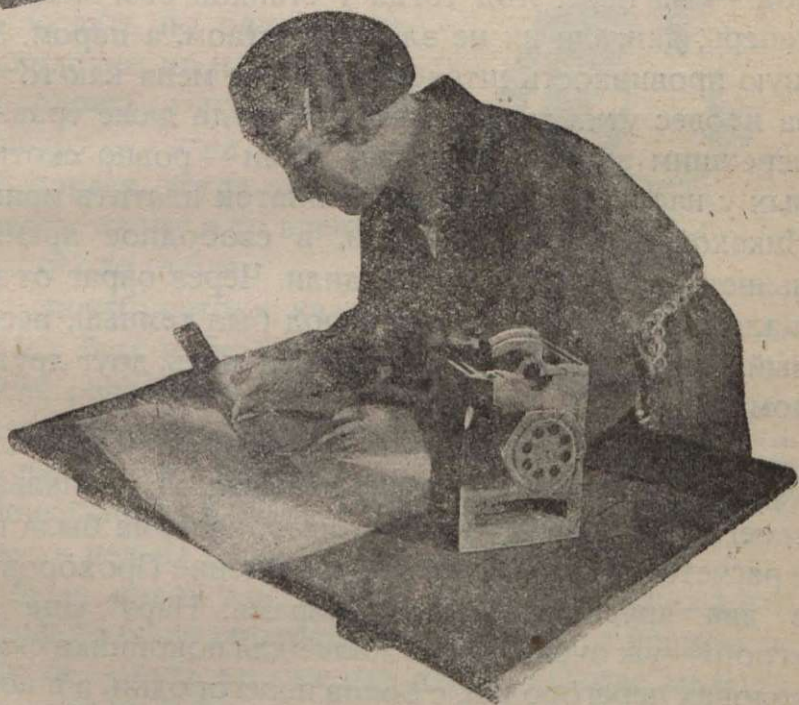
**„Только большевики
землю переделать могут...“**

По всей вероятности я самый старый подмастер не только на Трехгорке. Шутка сказать — мне уже 71-й год пошел, из них я на производстве 60 лет работаю. Есть что вспомнить, есть о чем рассказать.

Будто время назад перед глазами плывет. Вот я совсем, совсем махонький... Отец только от крепостной зависимости у князя Долгорукова «освободился». В действительности никакой свободы нам конечно не дали, только еще в большую кабалу вогнали.

Странно теперь молодежи слушать стариковские рассказы о том, как нам когда-то грамоту преподавали. Не уче-

Молодежь Трехгорки учится
теперь в техникумах и инсти-
тутах.

ние — одни слезы. Преподавали поп и дьякон, отсюда и все содержание науки было поповским. Частенько били, в угол ставили, без еды оставляли...

Теперь парень аль девушка до 17 годов учится и семилетку кончает и фабзавуч, а там, глядишь, — в техникумы и институты разные. А тогда читать выучиться большим счастьем считалось. Десяти лет меня уже отдали в ученье на Лапинскую мануфактуру, теперь Первомайская, возле Болшева. Был я по тому времени уже большим, даже восьмилетних тогда брали на работу.

Теперь для подростков от 16 до 18 лет шестичасовой рабочий день установлен, моложе 16 лет на фабрику не берут. А тогда еще, можно сказать, материнское молоко на губах не обсохло, а работать заставляли наравне со взрослыми, с раннего утра до поздней ночи. И за всю работу — я подкладывал ткачам уток в ящики — платили 20 копеек в день.

Одиннадцать лет я уже на станке работал, а еще через год — на паре. Ход тогда у станков был медленней, чем теперь, двигали их не электричеством, а паром. За малейшую провинность штрафовали — с меня как-то 40 копеек за провес утка вычли. Условия труда даже сравнить с теперешним временем нельзя. Жили — ровно скоты. Столовых у нас не было, даже за кипяток платить приходилось. Никакой культуры не знали, в свободное время гуляли, пьянствовали, на стенки ходили. Через овраг от нас помещался красивый завод; народ был темный, несознательный. Вместо того чтобы хозяина лупить, друг дружке ребра ломали.

...В 1889 году попал я на Прохоровку. Поселился в 40-й казарме, или, как она тогда называлась, — спальне. Жилья своего у рабочего тогда не было, казарма была построена в расчете только на сон. Все помещение Прохоров обстроил в два яруса сплошными нарами. Нару еще называли «гроб» — уж очень она на жилье для покойника смахивала: в головах перегородки, с боков перегородки, а в ногах ящик, куда складывали чай, сахар, грязное белье вместе с чистым. Если у кого был свой сундучок, то его поставить некуда было. Особенно туго приходилось тем, кто жил на нижнем ярусе, — с верхнего и грязь и плевки попадали. На нарах был только хозяйский матрац — мешковина, набитая соло-

мой. Простынь почти ни у кого не было. Правда, в 1892 году, когда была эпидемия холеры, Прохоров распорядился выдать по одеялу, простыне и наволочке, но и здесь он не преминул содрать с рабочего последнюю шкуру — вычел за «добро» 1 рубль 75 копеек, тогда как красная цена этому хламу в то время на рынке была около рубля.

Ни лавок, ни табуреток в казарме не было. Пол был асфальтовый, и только после революции 1905 года хозяин сменил его на деревянный. Люди набивались в спальне, как сельди в бочке. Клопов, блох и тараканов счесть нельзя было.

Казарма была живой могилой не только для взрослого. Особенно больно было смотреть на детишек. Те прямо как мухи помирали — чуть не каждый день у выхода маленькие гробики стояли. Да и где им расти было-то? Цветок для себя воздуха просит, а уж живой ребенок и подавно. Грязь, духота, скученность, пьянка, драки в казармах, — вся эта обстановка действовала убийственно на детишек. У подмастера Куклева было 12 детей, из них только двое в жи-

В просторном помещении недавно выстроенной школы тысячи детей Трехгорки получают законченное среднее образование.

вых остались. Остальные стали жертвой проклятой казармы. Эпидемии в ту пору гуляли по спальням во-всю.

На производстве тоже было не сладко. Частенько приходилось сдабривать мастеров. Особенно отличался этим мастер Кульшин: ежели его карман не ублаготворишь — обязательно придерется и под увольнение подведет.

Вентиляции никакой не было, через два окна были устроены форточки, но их почти всегда держали закрытыми, чтоб основа от воздуха не рвалась. Теперь в ткацкую войдешь — всюду чистота, а тогда пылица была невероятная, будто весь воздух хлопком забили.

Обсчитывали нашего брата по всякому случаю. Мало того, что Прохоров на рабочем труде наживался, — он все лазейки искал, как бы рабочего обмануть, как бы больше содрать. Было это перед 1905 годом. Заметили мы как-то одну неправильность: будто и станки те же, и время работаем то же, работа и пряжа те же, а только выработка уменьшилась; уменьшился и заработок. Начали искать, выискивать. Нашли: в куске у нас 62 аршина полагалось, а тут взяли на промер — 67 получается. Выходит на 5 аршин с куса обманывал нас Прохоров. До того это всех возмутило, что тут же фабрику остановили — забастовали. Потребовали инспектора. Два дня не работали. Мастера, который это делал, правда, разочли, но хозяин тут же устроил его на другую фабрику. В наше время такому мастеру крепко бы всыпали, а тогда хозяин еще ему ручку жал — рука руку мыла.

Была у нас, помню, забастовка из-за расценков. Тоже три дня не работали. Человек 40 за это в участок забрали, пятерых выслали.

Полиция в казармах, особенно перед 1905 годом, частым гостем была. Один раз в 12 часов ночи человек 50 городских всю спальню на ноги подняли, по всем нарам шарили, все прокламации искали. При Прохорове и семейную жизнь я никак наладить не мог. Жена жила на теперешней фабрике «Красная Роза», ходила ко мне тайком, который раз под койкой спали, летом на дворе... Нешто это жизнь была!

Детей тоже не довелось мне здесь вырастить... Теперь оба сына в колхозе, живут хорошо. У одного шестеро детей, у другого трое. Дети учатся.

Я сам советскую власть строил: в 1920 году, когда фабрика стояла, был в своей деревне председателем сельсовета. Как только фабрика пошла, так сейчас же назад вернулся.

В 1927 году перевели меня на социальное обеспечение. При Прохорове всего этого не было. Сейчас мне как старому подмастеру от всех почет и уважение, а при Прохорове даже старательный рабочий мог на старости помереть с голоду. Издевались тогда над стариками хозяева-то. Вот в граверной один, Ефимов, проработал 70 лет шлифовальщиком, 90 лет от роду ушел с фабрики. Такого бы в наше время героем труда сделали, молодым для примера поставили бы. А тогда всучили старику пятерку — и все.

Четыре года сидел я на социалке. А потом в 1931 году, когда на фабрике прорыв был, не стерпел, опять на станки пришел. Зарабатываю хорошо — около 300 рублей. Семья вся в колхозе. Живу один, в той же 40-й спальне, но только от спальни одни стены остались, внутренность вся переделана. Прохоровской тесноты и в помине нет.

Смотрю я на всю свою жизнь и думаю, как бы годков хоть тридцать сбросить. Уж очень теперь быстро жизнь меняется. Вот и я кандидатом партии стал — вижу, что только большевики землю переделывать могут. И так хочется до полного социализма дожить, а ведь отец-то мой, который на барина работал, такого чудесного слова даже не слыхивал.

*Воспоминания
М. Т. Качиной —
работницы
прядильной фабрики*

„Когда инициатива проснулась...“

С малолетства узнала я горькую бедняцкую жизнь. Мать умерла при родах пятого ребенка. Мне самой шел только шестой год. Отцу было не до нас—без того много хлопот. Так и росла без призора до девяти лет, когда дядя, сторож приходской школы, взял меня в няньки.

Трудно было бедняцкой дочери попасть тогда в школу, и потому я чувствовала себя первое время, как на седьмом небе. Долго радоваться не пришлось, поповская школа дала о себе знать мордобоями и колотушками. Учитель больше орудовал кулаками, чем словом, особенно любил он бить детишек в подбородок.

Я почти весь день няньчила ребенка дяди, а по субботам чистила самовары, ножи и вилки у всех учителей. Учеба не шла впрок. Теперь за какие-нибудь 3—4 месяца можно

научиться читать, а тогда я за полтора года даже не все буквы усвоила... Не выдержала я и через полтора года вернулась домой.

... До четырнадцати лет ходила я в няньках, а потом поступила на Высоковскую фабрику. Сначала сшивала картоны ткачам, вязала лица, крутила шнурки. За все это получала 24 копейки в день на своих харчах. Харчи почти всегда были постные, мясо видели только по большим праздникам. Работали с 4 часов утра до 10 часов вечера, с перерывами. На работу будили колотушкой. Утром самый сон, тут бы только и выспаться, но неумолимый треск колотушки преследует тебя...

Меня вскоре перевели из картонной в мотальную, получала я там 6 рублей в месяц. С первого же дня испытала я крепкую руку подмастеров. Дисциплина была жандармская. Однажды, когда катушек не было, пошла я в ставку их искать. Вдруг меня кто-то больно схватил за косу. Гляжу — подмастер. Не успела слово вымолвить, а он уже: «сейчас 15 копеек штрафа напишу...» И записал. Другой раз в субботу вечером он же шел осматривать машины. К чему-то придрался и заставил меня своим же чистым кружевным фартуком вытирать пыль. Возражать было нельзя — себе же хуже сделаешь...

Семнадцати лет бросила Высоковскую фабрику, думала, найду место получше. Не понимала я тогда, что при царе нигде не было приволья рабочему человеку. Поехала на Прохоровку... Там работал мой брат. Жил он в 57-й спальне, которую сейчас перестроили. Семья у брата — 4 человека. В одной каморке с ним жила еще одна бездетная пара. Сейчас не то что семьи, а многие одинокие имеют свои комнаты, тогда же Прохоров напихивал в одну комнату сколько мог семей, не считаясь с тем, хочет или не хочет этого рабочий.

Я и сама первые два года замужества жила в 34-й спальне еще с тремя семейными парами. На четыре семьи был один большой стол, две-три табуретки. Газовые рожки тускло освещали всю эту неприглядную картину. Стены в казарме 63

были тонкие, как в конюшне, из конца в конец все слышно. А по праздникам, когда на коридорах гуляли пьянка, ругань, драка, прямо становилось неважноту... Чувствовали, ровно в каменном мешке сидим.

Как только рабочий по тем или иным причинам, хоть бы временно, выбывал с предприятия, так сейчас же предлагали его жене выселиться из семейной комнаты. Никакие объяснения во внимание не принимались.

Когда мой муж заболел чахоткой и уехал в деревню, тут же ко мне заявился хожалый и предложил перейти на девичью. Сколько ни объясняла, сколько ни доказывала, все было напрасно. Через полгода муж приехал, а я уж на девичьей... Вскоре он умер.

Питалась я в артели. Белый хлеб видели только по праздникам. Во главе артели стоял прохоровский ставленник — староста. Обслуживал он 200 человек, конечно не забывая себя. Никакого отчета никто с него не спрашивал.

Октябрьскую революцию я встретила с огромной радостью... В годы гражданской войны, когда фабрика стояла, я и дрова пилила, и белье шила для Красной армии, и на субботники ходила. Делала все, что могла, лишь бы отстоять советскую власть и сохранить фабрику.

Потом, когда прядилка пошла опять, я одной из первых приступила к работе на машинах — сначала помощницей, потом присучалкой, потом с'емщицей. Свой план выполняю, хотя брак окончательно еще не ликвидировала.

В 1930 году вступила в партию. Сейчас я уже группарторг бригады имени XVII партконференции. А ведь еще в 1920 году я к попам ходила, говела... Так переработать меня могла только советская власть, только большевистская партия.

Часто заседаю в РКК, конечно прогульщиков и лодырей не милую, а если кто неправильно уволен, бывает что и по прихоти подмастера, таких восстанавливаем. Рабочий чувствует, что он имеет защиту, что советская власть не дает спуска тому, кто попытается делать не по-рабочему, не по-

Парашютистка
ФИЛИПОВА Н.—
прядильщица Трехгорки

Когда работала у Прохорова, то никаких предложений по улучшению производства конечно не давала. Рабочая инициатива проснулась только с Октябрьской революцией. И у меня есть свое предложение: как унизить ремни, чтобы меньше было обрывностей.

Три раза меня уже премировали, один раз даже на курорт ездила. Видела там таких же, как я, рабочих. Раньше на этом курорте одни буржуи лечились, а теперь все лечение для нас, для рабочих.

Комнату я тоже имею отдельную на Сосновской спальне. Вот только одно плохо—в 49 лет глаза почти не видят. Лю-

блю слушать, когда другие вслух читают. На политучебу хожу.

И на Трехгорке вижу я, как много советская власть сделала. Но хочу еще на экскурсию на другой какой-нибудь завод поехать, своими глазами посмотреть, как советская власть строит автомобили, тракторы.

А молодежи хочу сказать: много еще у нас трудного, многое еще недоделано, но жизнь стала куда интересней, даже равнять нельзя Трехгорку с Прохоровкой. Ни в каком случае нельзя...

НЕТ ПРОХОРОВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ, ЕСТЬ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ТРЕХГОРКА

Авторы воспоминаний, за исключением товарища Румянцева — участника Октябрьского переворота, принадлежат к тем старым кадровикам Трехгорной мануфактуры, которые только в последние годы втянулись на передовые позиции социалистического строительства.

Простыми и ясными словами рассказывают они на страницах этой книги, как коренным образом изменились условия труда и быта после свержения власти царя, помещиков и капиталистов. Батова и Разоренов, Голубева и Слепцова — не одиночки; таких, как они, — тысячи не только на Трехгорке. Их миллионами насчитывает Советская страна. Октябрь 1917 года стал для этих людей датой нового рождения. Переплавляя человеческий материал, пролетарская революция сделала каждого из них активным борцом за построение бесклассового социалистического общества.

527 снарядов, выпущенных царскими опричниками в декабре 1905 г. по казармам Прохоровки, провели глубокие борозды в сознании Батовых. Но только грохот орудий «Авроры» перезарядил их мысли, дал им новое, большевистское содержание.

Воздвигая в кратчайшие сроки величайшие домны и мартены, посылая первых разведчиков в неизведанные выси стратосферы, упорно отвоевывая подземную Москву для

метрополитена, эти люди в большом и малом дают всему миру показ того, какие чудеса может творить освобожденный от ига Прохоровых человек.

Беззаветной преданностью делу партии дышит каждая строка рассказа Батовой о том, как она по спальням созывает товарищей на переборку картофеля, как следит за тем, чтобы в бочку с помоями для свинарника не попали стеклышки или железки. В заботе о каждом клочке хлопка, о каждой картофелине, о том, как будет расти поросенок, предназначенный для **рабочего стола**, — вся Батова. Бытовых — миллионы.

Сегодня, придя в свою новую квартиру, уставленную хорошей мебелью и цветами, просторную и светлую, Батова невольно возвращаются мыслью к прошлому, к тем временам, когда в копоти дымных фабричных переходов гасли огни детских глаз, когда рабочему, пришедшему ночью с работы, нигде было отдохнуть, потому что смрадный воздух казармы окончательно дурманил голову.

Никогда не забыть Батовым того времени, когда их жизнь была ограничена душными стенами фабрики и прохоровских клоповников. Не случайно казармы были названы «спальнями», — эти огромные каменные мешки были предназначены только для казарменного сна. Людей туда набивали подлинно как сельдей в бочку. Перед Октябрем на одного фабричного рабочего приходилось в «спальне» полтора квадратных метра жилой площади, в то время как в квартирах высших служащих на человека приходилось 76 квадратных метров, а сам Прохоров жил в особняке из 74 комнат.

Для Прохоровых казарменное устройство было очень выгодно. Оно прикрепляло рабочих к фабрике. Угроза выселения в значительной мере сковывала готовность рабочих к борьбе против хозяина. К тому же в казарме вся жизнь рабочего была на виду у фабричной администрации и полиции.

Казармы эти напоминали тюрьмы. Частые переплеты оконных рам, скудное освещение, духота, асфальтовые полы создавали мрачное, угнетающее впечатление.

Вот как описывает рабочий Давиденков 40-ю спальню:

«Огромное здание со множеством железных колонн, со сплошными нарами и тремя проходами вдоль и двумя поперек. Лавок нет, и люди сидят каждый на своем ящике кровати. У каждого такого ящика крышка, которая поднимается вместе с постелью, — это сундучки, устроенные в нарах. По нарам ползает множество клопов и вшей, в щелях — целые тучи насекомых; столов и табуреток нет. Когда я раз вернулся с фабрики в 2 часа ночи и вошел в свою казарму, я чуть не задохнулся от сперттого воздуха. Глядя на спящих рабочих, мне показалось, что люди мертвые лежат в гробах и издают запах разлагающегося тела».

Не лучше было и в «парных» спальнях — крохотных каморках, разделенных друг от друга досчатыми перегородками, не доходившими до потолка. В каждой такой каморке, где жило по четыре бездетных семьи, помещались как раз четыре кровати и оставался только узкий проход посередине.

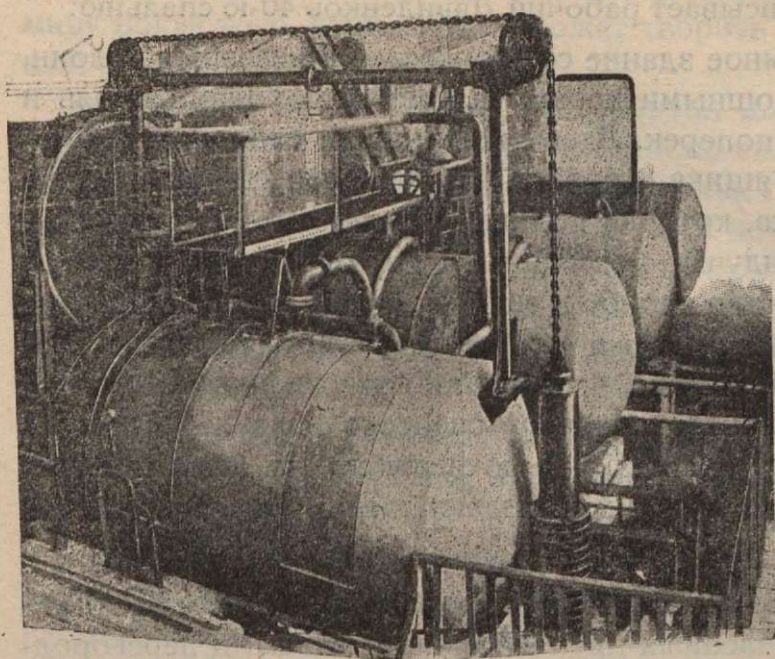
Такая же теснота была и в «семейных» каморках. По словам товарища **Донцовой**, в комнатухе в 4 метра длины и 2½ метра ширины жили по две, а иногда и больше семьи. Здесь за ситцевым пологом, без воздуха росли грудные ребята.

Семейные люди, жившие в парных или семейных каморках, часто перебрасывались из комнаты в комнату.

Работница **Акимова** рассказывает:

«Если я раньше бездетная была, да родился у меня ребенок, меня из парной выселяли в семейную каморку, а если затем помер мой ребенок, меня снова обратно в парную переводили».

В 1906 году в 288 комнатах семейных спален жило 969 взрослых и 675 детей. На каждую комнату в среднем приходилось 7 человек. Норма жилплощади на человека, а зачастую и на целую семью, равнялась площади кровати.

После проведения в жизнь предложения слесаря Т. Шестопалова крышка куба «Матер-платт» поднимается механическим мотором. Раньше ее подымали вручную 3—4 человека.

Неимоверная скученность и духота способствовали развитию эпидемий. На спальнях не переводились болезни. Так в 1909 году одной натуральной оспой в казармах болело 50 человек.

Тяжелый, неблагоустроенный быт больше всего давил конечно на женщину. Рабочий день был длинен и начинался с 4 часов утра. Поэтому работнице приходилось вставать часа в 2—3 ночи, чтобы приготовить все по хозяйству и оставить какую-нибудь еду ребятишкам.

«Часов в доме не было, — рассказывает работница **Горнова**, — встаешь, бывало, когда темно еще, зажжешь свет, начнешь управляться по хозяйству, а сама все в окно смотришь — не идут ли люди на фабрику».

Немудрено, что запертые в тесные каменные мешки, измученные непосильной работой, лишенные культурных развлечений люди в редкие свободные минутки оглушали себя вином. Пьянство, карточные игры и драки были единственными «развлечениями», доступными рабочему.

Только октябрь 1917 года дал рабочему настоящее, хорошее жилье. Одними из первых на Пресне трехгорцы осу-

ществили декрет советской власти о национализации домов у буржуазии. До 1924 года фабрике было передано 9 наилучших, оборудованных домов; среди них — многоэтажный дом возле Зоологического сада и особняк князя Щербачева на Новинском бульваре.

Еще три-четыре года назад за Пресненской заставой был пустырь, а теперь там выросло 36 пятиэтажных корпусов нового поселка имени 1905 года. Четыре дома в этом городке заселены трехгорцами. Решающий удар по проклятому наследию Прохоровых был нанесен перестройкой спален на квартирную систему, на что советская власть затратила 4 миллиона рублей. В перестроенных казармах не узнать бывших каменных мешков, заживо хоронивших рабочего. Светлая просторная квартира с кухней и ванной пришла на смену каморке и ситцевой занавеске. 3 896 трехгорцев с семьями получили квартиры в бывших казармах; на каждого жильца теперь приходится 5,5 квадратного метра. Перестройка спален стала одним из важнейших этапов бытовой революции на Трехгорке.

На рабочем поте и крови строил Прохоров свое благополучие. В то время как на «харчи» одного рабочего тратили в год 36 рублей, для удовлетворения обжорных потребностей одного своего семейства Прохоров выбрасывал 12 тысяч рублей. В то время как своих рабочих Прохоров кормил тухлыми щами, кислым хлебом и квасом, когда даже картошка выдавалась рабочему как праздничное блюдо, сам хозяин об'едался балыками, икрой, заморскими фруктами и другими яствами.

Большие барыши давал Прохорову и харчевая лавка. Так например, покупая гречневую крупу по 3 рубля 50 копеек пуд, он продавал ее рабочим по 4 рубля 75 копеек, то есть получал 35 процентов чистой прибыли. Систематическое обвешивание и обман покупателя — такова была обычная практика харчевой лавки. Только на одном обвешивании Прохоров получал ежегодно 6 тысяч рублей прибыли. Не случайно рабочие называли прохоровскую потребилровку «теребилровкой».

Октябрь 1917 года покончил и с этим. Все то, что когда-то было привилегией только буржуазного стола, сейчас постепенно входит в обиход рабочего. Свиная отбивная, жареная курица, гусь с капустой, беф-строганов становятся обычными в меню столовой Трехгорки. За 68 копеек Батова получает хороший общий обед из трех блюд, а если она желает попробовать порционные блюда, то к ее услугам тоже вполне доступное

Меню на 16 сентября

Борщ украинский	25	копеек
Суп картофельный	20	»
Рыба итальянская	55	»
Котлеты бараньи	70	»
Рагу мясное с картофелем. . .	70	»
Колбаса с картофелем.	80	»
Сырники.	45	»
Рулет картофельный с морковью.	35	»

В далекое прошлое канула прокопченная и смрадная прохоровская кухня. От нее остались только воспоминания. Просторно и светло в столовых Трехгорки. Всюду цветы, пальмы. Обслуживающий персонал в белых халатах. Специальный врач контролирует путь продуктов от заготовки до варки и выдачи рабочим.

Еще год назад Батова должна была зимой ходить через двор в центральную столовую. Теперь к ее услугам своя цеховая столовая, тут же, на прядилке. Такие же столовые организованы и на ткацкой и на ситцевой. Это дало снижение простудных заболеваний на 50 процентов и сократило время, которое рабочий терял на обед.

Цех питания все время под парами. Утром, днем и поздней ночью кормит он рабочего. Не только утренняя и дневная, но и ночная смена получает горячий обед.

Давно канула в прошлое и знаменитая миска, из которой хлебали щи сразу шесть человек. Чистая тарелка, отдельная ложка, нож, вилка и стакан для питья стали обязательными спутниками каждого обеда. А после третьего блюда в жаркую пору рабочий тут же в столовой за сходную цену

может съесть порцию мороженого, выпить стакан сельтерской.

Не только столовые удовлетворяют потребности Трехгорки в пище. В 13 цеховых буфетах рабочий может получить легкую закуску, бутерброд и чай. Диетическая столовая обслуживает 200 человек больных желудком, сберегает им десятки лет жизни.

Прохоров больше всего заботился о том, чтобы насаждать в округе грязные чайные и пьяные шинки. Спаивание рабочих было одной из составных частей прохоровской политики. Кафе и ресторан существовали только для буржуазии. Теперь слово «кафе» тоже вошло в обиход трехгорцев, но и здесь содержание стало другим. «Кафе ударника» на Трехгорке конечно ничем не напоминает тех кабаков, в которых веселилась буржуазия. «Кафе ударника» на Трехгорке дает возможность каждому ударнику перед работой или после смены отдохнуть в культурной обстановке. В кафе он может не только съесть горячее мясное блюдо или получить бутерброд с кофе, — там же к его услугам свежая литература и газеты.

С каждым годом улучшается снабжение рабочих Трехгорки. Они имеют сейчас два своих совхоза — «Мамоново» и «Уварово». В обоих совхозах площадью около 2 тысяч гектаров есть свои 6 тракторов, 135 лошадей, 71 корова, свиньи, 7 тысяч кроликоматок. 3 172 тонны овощей, в том числе более тысячи тонн картофеля, получила Трехгорка в 1933 году от своей продовольственной базы.

Особо выделено снабжение ударников — передовиков борьбы за план. В специальном магазине ударник Трехгорки в августе, кроме прочих продуктов, получил дополнительно 5 килограммов картофеля, 2 килограмма молочных изделий, килограмм рыбы, кусок мыла, банку консервов, полтора килограмма печенья, килограмм сельдей.

И наконец, если работница Трехгорки желает, ей доставляют продукты на дом. Ежедневно утром в домах, где живут трехгорцы, можно видеть посыльных с пакетами в руках — это они разносят продукты на дом. Ударница не дол- 73

жна стоять в очереди, она не должна заботиться о том, когда какой продукт появится в магазине, — это делает сам магазин. Доставка продуктов на дом — один из больших шагов по пути раскрепощения женщины, по пути экономии рабочего времени.

Без очереди получает продукты в магазине также ликбезница. Сотни еще неграмотных и малограмотных ткачих и прядильщиц, сидящих после работы над букварем, получили право на внеочередное снабжение.

Сейчас, когда работница-мать окружена у нас таким вниманием и заботой государства, которое охраняет ее здоровье, разгружает от тысячи домашних дел и помогает воспитывать детей, трудно даже вспомнить, как тяжел был период материнства для работниц дореволюционного времени.

«Ходила беременной на фабрику до последнего момента, — вспоминает Горина. — Бывало, на работе почувствуешь себя плохо и скажешь соседке, что пора уже родить итти, а соседка успокаивает:

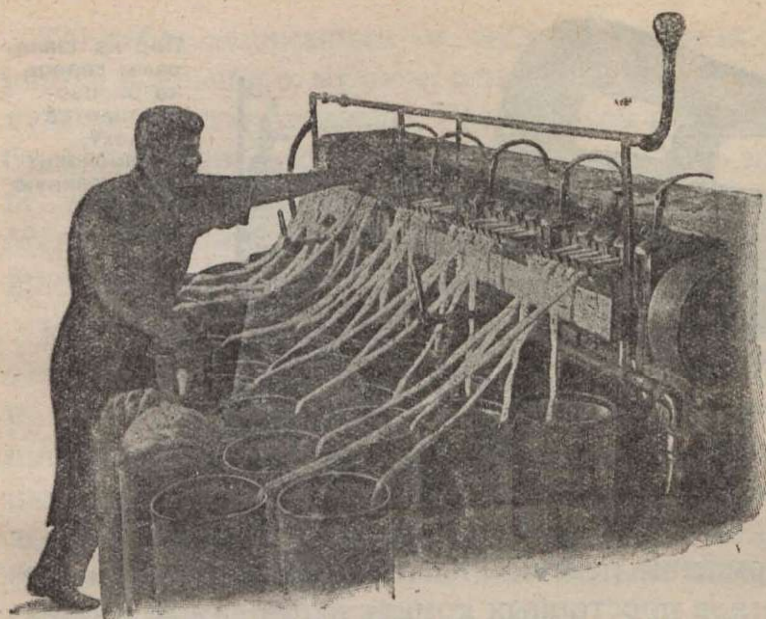
— Ну, подожди — уж недолго до конца. Скоро кончишь, тогда пойдешь».

Никакого обеспечения роженицы на фабрике Прохорова не получали. Все пособие ограничивалось пятеркой «на крестины», которая, кстати сказать, выплачивалась из штрафных сумм.

«Работали мы с женой в разные смены, — рассказывает рабочий Никифоров. — Как придет время на работу итти — возьмешь ребенка и несешь его к фабрике. Здесь стоишь у ворот, дожидаясь. Женя выходит, берет ребенка и уходит с ним домой, а ты идешь работать».

Такое положение тяжело сказывалось и на матери и на ребенке. Большинство ребятишек гибло в грудном возрасте.

Нет, пожалуй, нужды подробно повторять, как резко изменилось положение работницы-матери при советской власти. Не говоря уже о четырехмесячном отпуске в период

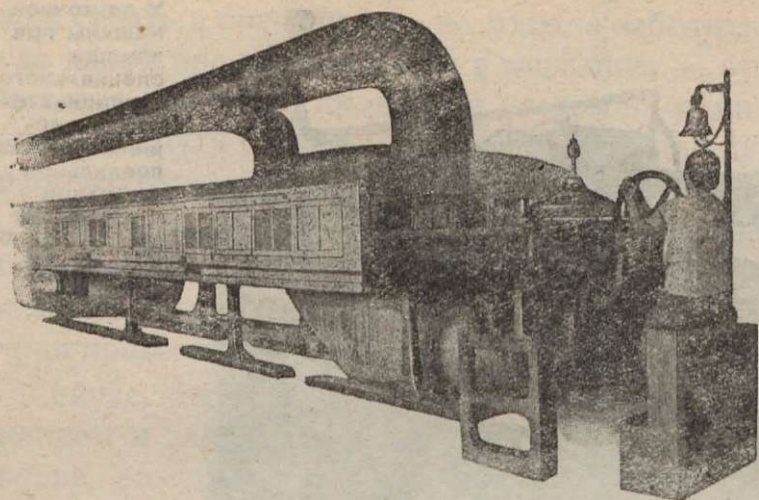
У ленточной машины при помощи специального подпаривателя, предложенного фабрикой т. Сониным, хлопок приобретает нормальную влажность.

родов за счет государства, о том, что каждые три с половиной часа работница в специальной «комнате матери» может кормить своего ребенка и за этот получасовой перерыв с нее ничего не вычитают, — теперь работница находится под врачебным наблюдением с первых же дней беременности.

Не имея раньше возможности воспитывать много ребят, работница у Прохорова либо обращалась к повитухе, либо заранее обрекала уже родившихся детей на смерть. Теперь работница в случае необходимости может произвести аборт в больничных условиях. Кроме того при здравпункте уже организован для работниц профилактический кабинет; результаты уже сказываются: число абортов и болезней резко снизилось. Профилактический кабинет сохранил предпрятию за 9 месяцев 2 132 дня.

У Прохорова тоже были «ясли». Помещались они в деревянном домике, — там, где сейчас правление РЖСКТ. Принимали туда только детей одиноких женщин, да и то не всегда. Детей в этих яслях клали по несколько человек в одну люльку, болезни уносили детей десятками.

Совсем другие условия созданы для роста пролетарского ребенка сейчас. Уже с первого дня рождения окружен он вниманием и заботой рабочей общественности. Мать по- 75

Пар из шпан-
рамы теперь
не распро-
страняется
по цеху.
Он проходит
в стеклянную
отводную
трубу.

лучает на кормление ребенка. Если занимают теперь не-
сколько десятков просторных комнат в том самом особня-
ке, где раньше жила только семья Прохорова. Лучшее зда-
ние на Трехгорке отдали рабочие своим детям. 180 малы-
шей находятся там под неослабным врачебным контролем.
У каждого своя кроватка, для больных есть изолятор.

Если работают круглые сутки—мать может быть спокой-
на за своего ребенка. Больше того — приходя кормить ре-
бенка, она тут же получает дополнительную пищу.

Для более взрослых детей имеются восемь детсадов, одна
детплощадка—всего на 410 человек. Летом дети Трехгорки
выезжают в колонию при станции Пушкино, а школьники
едут в пионерские лагеря.

Гордостью Трехгорки является также детский внешколь-
ный комбинат, расположенный там, где раньше дымили по-
повские кадила. В просторном зале бывшей Николо-вагань-
ковской церкви расположился целый детский городок.
Здесь с детьми проводится огромная воспитательная рабо-
та. В автотракторной, радио- и авиомодельной и электро-
мастерских, в фотокружке ребята получают знания и при-
обретают трудовые навыки. Здесь готовятся кадры буду-
щих планеристов, шоферов, электриков. Авиомодельный
кабинет получил первую премию на областном слете юных
авиостроителей.

220 ребят занимаются в художественных кружках — учатся рисованию, музыке, пению, здесь выявляются новые художественные таланты. Разве могла работница ситценабивной фабрики товарищ Мелихова мечтать при Прохорове, что у ее дочери будет пианино; это пианино поставил Мелиховой внешкольный комбинат, когда выявились большие музыкальные способности ее дочери.

Комбинат проводит большую оздоровительную работу — около 300 ребят пропущены летом через санаторные лагеря. Здесь куется новая, здоровая смена. Ребята, посещающие Дом культуры, вырваны из-под вредного влияния улицы. Они заняты полезным и интересным делом. Новая, чудесная детская жизнь куется в огромном старом здании бывшей церкви. А возле станции Салтыковка вырос детский оздоровительный лагерь.

Нельзя сравнить Трехгорку с Прохоровкой и в отношении медицинского обслуживания рабочих. Больница при Прохорове влачила очень жалкое существование. Несколько коек, фельдшер и врач — вот все, чем она располагала. Излюбленными средствами лечения были пьявки и глауберова соль.

Сохранились от Прохорова счета: «Ивану Лаврентьеву — цирюльнику уплачено за пьявки и пускание крови ткачам 16 рублей 10 копеек».

На дом к рабочим доктора тогда не ходили, только для служащих делалось исключение. Рабочий мог днями ждать медицинской помощи, да и качество этой помощи было таково, что смертным случаям никто не удивлялся.

Теперь больница Трехгорки считается одной из лучших в Москве. Ее бюджет — более полумиллиона рублей в год, 75 лучших врачей и профессоров обслуживают рабочих Трехгорки. Работница Трехгорки может сейчас бесплатно получить консультацию у профессора с мировым именем. Значительно увеличена пропускная способность больницы, открыт новый родильный дом. Открыты рентгеновский и психогигиенический кабинеты, зубной кабинет на самом предприятии, химико-бактериологическая лаборатория. За 77

последние два года в больнице произведено около полуторы тысяч операций, среди них много очень сложных.

Сейчас прорабатывается вопрос об устройстве специальных туалетных комнат в цехах для работниц.

За выслугу лет Прохоров «дарил» рабочему... халат. 578 тысяч рублей затратит в этом году выплатной пункт Трехгорки на выдачу пособий рабочим—инвалидам труда и гражданской войны, на содержание яслей и пособия по болезням.

При Прохорове зеленая травка на ближайшем лугу была большой радостью — дальше этого тогда мысли рабочего об отдыхе не шли. А сейчас, по данным за прошедший год, 200 трехгорцев отдыхали на курортах — у знойных берегов Кавказа и Крыма, 381 человек по две недели были в домах отдыха и 529 человек посетили однодневные дома отдыха—эту замечательную форму кратковременного отдыха между двумя пятидневками. Летом 1934 г. для нескольких сот кадровиков-ударников во время останова было организовано санаторное питание.

Не только в домах отдыха восстанавливает свои силы трехгорец.

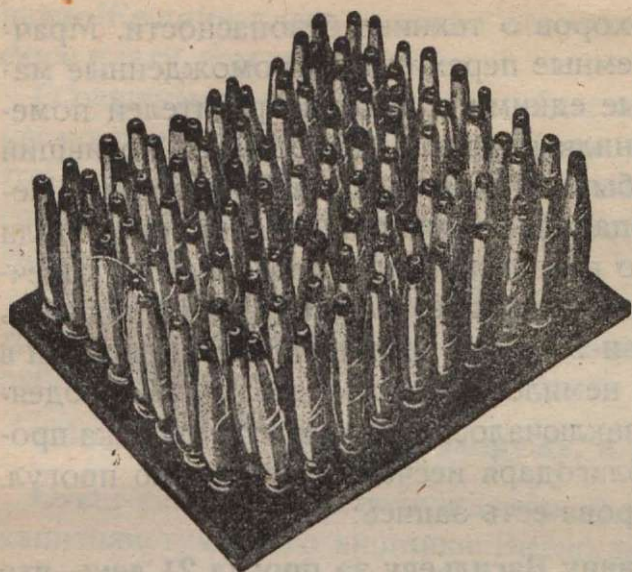
442 человека занимаются физкультурой на производстве. Среди них много старых рабочих и работниц. Вот их отзыв в заводской газете:

«Наш граверный цех первый на Трехгорке ввел у себя физкультпаузу. Я лично чувствую себя прекрасно после нее: работается гораздо легче.

Ведь наша работа очень мелкая, требует большого внимания. Сидим мы всегда согнувшись, и в конце рабочего дня является желание распрямиться. Физкультпауза как раз и отвечает этому желанию, дает отдых и новые силы для работы. Ее надо ввести по всей фабрике.

Гуров».

«Я занимаюсь физкультурой с большим удовольствием. Во время работы мне приходится все время стоять, ноги очень устают. Во время физкультпаузы

Ткацкие станки Трехгорки уже вырабатывают ткань из искусственного шелка... Чтобы ценный уток не портился, шпули насажены на боронку. Это привело к сокращению рвани.

нам дают две минуты посидеть, затем мы делаем несколько легких упражнений, чтобы размяться. Это очень хорошо.

Булатова».

Свыше ста трехгорцев уже сдали норму на физкультурный значок «ГТО», 560 человек — накануне сдачи нормы.

Решительно во всем изменилось лицо бывшей Прохоровки. Там, где раньше была кухня, теперь выстроен прекрасный театр имени Ленина. Есть свое звуковое кино, свой радиоузел, свой учебный комбинат, большая сеть школ общего образования и политической учебы.

Одно из крупнейших достижений Трехгорки — своя ежедневная печатная газета «Знамя Трехгорки» и первая в Советском союзе детская фабричная многотиражка — «Пионер Трехгорки». Кроме того в цехах — 60 стенных газет, среди них часть бригадных.

Раскрепощенная Октябрем, двинулась вперед и рабочая творческая мысль — сотни изобретателей имеет Трехгорка. Сотни тысяч рублей сэкономлены благодаря им. Только за 9 месяцев 1933 года поступило 1 330 предложений. Экономический эффект принятых предложений составляет 333 тысячи рублей, 173 изобретателям выдано премий на сумму 26 тысяч рублей.

Не заботился Прохоров о технике безопасности. Мрачные низкие своды, темные переходы, загроможденные машинами, пропитанные едкими запахами красителей помещения заживо хоронили рабочего. Туберкулез, косивший сотни людей, был обычной болезнью на Прохоровке. Несчастные случаи, попадание в машину тоже происходили ежедневно. Никакого вознаграждения потерпевший конечно не получал, хотя закон предоставлял ему право подавать в суд. Но ведь и судьи-то были прохоровские. Подавший в суд грозил навлечь немилость «благодетеля». «Благодеяние» же Прохорова заключалось в том, что он изредка прощал за сделанный благодаря несчастному случаю прогул. Так в книгах Прохорова есть запись:

«Уступлено Ивану Васильеву за прогул 21 день, что попал в машину рукой — 3 рубля 41 копейка».

О том же, чтобы предупредить возможность увечий на производстве, Прохоров не заботился — жизнь человеческая была у него дешевле пятачка.

Только при советской власти установили на ткацкой планки от вылета челнока, экраны для предохранения глаз от засорения, механическую мойку сукон в печатном цехе, — раньше сукна мылись руками; механизировано приготовление вреднейшей краски — черного анилина; установлены две новые под'емные машины на прядилке; сделаны предохранения на крышках трепальных машин, чтобы можно было открывать последнюю находку, и так далее.

За последние три года на работы по технике безопасности Трехгорка затратила 120 тысяч рублей.

Жалкую зарплату получали ткачи, прядильщики и ситцевики при Прохорове. Пожалуй, ни в одной отрасли промышленности не было такой жестокой эксплуатации, как в текстильной. В чесальном отделе раньше работали одни мальчишки, потому что они обходились дешевле.

Труд подростков, как впрочем и взрослых, никем не охранялся. Дети были вынуждены не только работать с утра до ночи на фабрике, но всячески прислуживать мастерам—
80 и за водкой для них ходили и всякие другие услуги выпол-

няли. Женщины, как правило, получали еще более нищенскую плату, чем мужчины.

О решающих сдвигах в этой области можно судить хотя бы по тому, что только за последние четыре года заработок текстильщиков удвоился и конечно не может даже в сравнение идти с тем «заработком», который имели рабочие Прохорова.

Товарищ Базин вспоминает, как один из Прохоровых на требование повысить зарплату на несколько копеек ответил рабочим:

«Москва-реку деньгами запружу, а вам денег не дам...»

Ответ в пояснениях не нуждается. В этой фразе все нутро капиталистического хищника. Видно, не думал, не гадал он тогда, что хозяйствованию его придет конец, что рабочие Трехгорки сами будут вершить свои судьбы. И делают они это далеко не плохо.

118 лет владели Прохоровы своей фабрикой, мы хозяева на ней только 16 лет. Но за эти годы сделано во сто крат больше для расширения производства, чем при прежних капиталистических хозяевах. Много трудов пришлось затратить на ликвидацию встречных перевозок товара, упорядочена работа оборудования, поставлен ряд новых машин, выстроена своя ТЭЦ мощностью в 8 тысяч киловатт; ТЭЦ не только дает электроэнергию, но и отопливает отработанной водой весь поселок имени 1905 года, все дома Трехгорки. Значительно повысилась и производительность труда.

Даже в лучшие годы, каким являлся 1913 год, Прохоров выпускал не более 120 миллионов метров. Краснознаменная же Трехгорка в последнем году первой пятилетки дала 175 миллионов метров. Более полутора миллиардов метров советской ткани дала стране краснознаменная Трехгорка за 17 лет советской власти.

Прохоров имел свой магазин в Бухаре — туда сплавлял он дехканам самый плохой товар и драл за него последнюю шкуру.

Краснознаменная Трехгорка — шеф Ташкентского района. Каждый год там работает бригада трехгорцев. Давно

забыли в Средней Азии эксплуататора Прохорова,—с благодарностью говорят дехкане о Трехгорке. Трехгорка помогает своим подшефным районам, представители дехкан ежегодно бывают на Трехгорке.

Царская Россия была тюрьмой народов. Сейчас Трехгорка растит национальные кадры. В отделочной бригадиром работает кореец Е. Пен-люри — вчерашний кули, сегодня свободный советский гражданин. Охраняет имущество фабрики бывший повар английского барона — кореец Ким Чан-су. Оба они большевики. На прядильной фабрике овладевает техникой узбечка Закирова, только в 1929 году сбросившая паранджу.

Огромную армию актива вырастила сейчас Трехгорка. Несколько сот рабочих и работниц выдвинуто партийной и профсоюзной организациями на командные посты Советского государства. Трехгорка — шеф Наркомата легкой промышленности. Большевики призвали рабочего к систематическому контролю над аппаратом. По косности, по бюрократизму, по оппортунистам бьют крепко рабочие-шефы. Ткачиха Власова, работая соцсовместителем в швейном управлении, выявила факты безобразного хранения готового платья; она тут же дал ряд простейших предложений, выполнение которых экономит пролетарскому государству миллионы рублей. В Союзфарфорсбыте трехгорцы выявили, что вопросами качества занимался бывший фабрикант Соколов, — его сняли. Рабочий красильного цеха Бородкин выявил ряд безобразий в пошивке обуви и своими предложениями указал, как их устранить.

Ткачиха Трехгорки Бедова работала соцсовместителем в Центральном бюро жалоб у Марии Ильиничны Ульяновой.

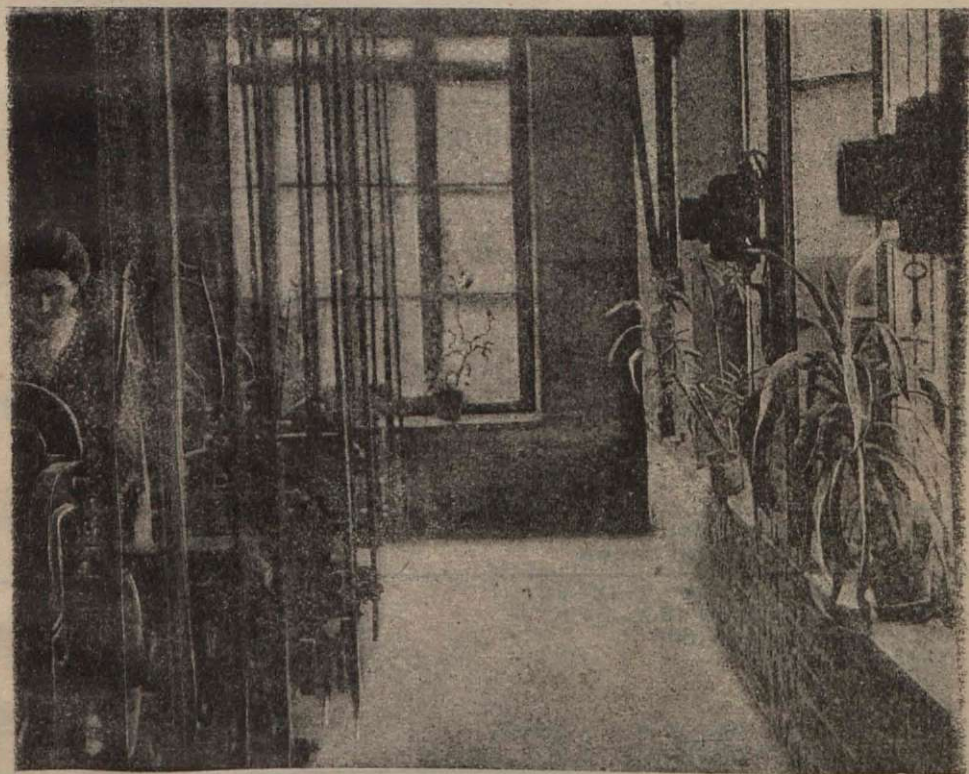
Во главе самой фабрики тоже стоят вчерашние рабочие: директор Трехгорки товарищ Полозков еще 15 лет назад был рабочим; ткачихой была зам. директора товарищ Уколова, награжденная орденом Красного знамени; фабрика «Туркшелк» и комсомол вырастили секретаря парткома товарища Северьянову, награжденную орденом Ленина.

Победы Трехгорки — победы большевистской партии, победы более чем тысячного коллектива большевиков, ко-

торый ведет всю рабочую массу на овладение высотами второй пятилетки. Ткацкая фабрика Трехгорки заняла одно из первых мест на всесоюзном конкурсе ткачей и ткацких подмастеров и освоила выпуск новых сортов ткани. Весь комбинат досрочно выполнил план первого года второй пятилетки и теперь из месяца в месяц перевыполняет задание.

В работе Трехгорки еще очень много недостатков, впереди еще много трудностей. Но опыт 17 лет героической борьбы показал, что «нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять» (Сталин).

Под руководством ленинской партии, имея впереди себя такого несокрушимого бригадира, как товарищ Сталин, массы трудящихся, бывших прохоровских рабов, теперь работают на себя, на свое пролетарское государство, на социализм. Они дают непревзойденные в мире образцы трудового героизма. Они борются сейчас за то, чтобы советская ткань была самой прочной, красивой и дешевой в мире.

Теперь на окнах ткацкой стоят цветы.

Содержание

	Стр.
Воспоминания А. С. Батовой	
„А теперь я часть всей советской власти“	5
„ Ф. Г. Румянцева “	
„Советская власть меня сделала человеком“	14
„ А. Ф. Голубевой “	
„Лишь сейчас начала я жить“	21
„ П. Слепцовой “	
„Даже станок другим кажется“	28
„ М. А. Хитровой “	
„Другой голос у ткачихи появился“	35
„ К. С. Овсянниковой “	
„Если бы не советская власть“	39
„ А. С. Мозженковой “	
„Жизнь меняется“	45
„ П. П. Ефимовой “	
„Партия воспитала моих детей“	51
„ П. А. Разоренова “	
„Только большевики землю переделывать могут“	56
„ М. Т. Качиной “	
„Когда инициатива проснулась“	62
И. Кор.	
Нет прохоровской мануфактуры, есть краснознаменная Трехгорка	67

Отв. редактор **И. Ворошилин**
 Выпускающая **Н. Антонова**

Сдано в производство 29/IX—34 г.
 Подписано к печати 19/X—34 г.
 Мособлгорлит № 52606
 Тираж 25.000
 Заказ 2228
 М. Р. № 40
 Объем 51¼ п. л. Знаков в п. л. 33.500
 Формат бумаги 72x110 1/16

Тип. „За индустриализацию“ Москва. Цветной бульвар, д. 30.

211 1-2-21

2768

Цена 1 руб.

